

Виктория МаКо
ЗАГОН

16+

Виктория МаКо

Загон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51607812

SelfPub; 2020

Аннотация

Вы погрузитесь в невероятную историю, случившуюся с самыми обычными жителями Москвы. Забавная игрушка, попавшая к дочери главного героя, оказывается магической куклой Вуду. Вместе с ней в размеренную жизнь персонажей врываются события настолько необъяснимые и чудовищные, что остается только поверить в сверхъестественные способности неодушевленного предмета. Противостояние злу перенесет вас из российской столицы в дебри Африки, а подстерегающая опасность и загадочность самой страны заставят почувствовать себя пойманным в клетку, в ловушку... или может, в загон?

Содержание

МОСКВА	5
День рождения	7
Тревожный симптом	30
Неожиданное признание	63
Удар судьбы	85
Счастье мимо не ходит	115
Обострение ситуации	136
Конец ознакомительного фрагмента.	143

*Все персонажи вымышленные,
Возможное совпадение случайно*

МОСКВА

Темно и практически тихо... только шуршание шин... плотность автомобильного потока можно отследить лишь по назойливому мельканию света... впереди пляшут красные огни, навстречу летят белые, желтые, голубые ... Железные кони движутся в своем, выбранном ритме. Голова полнится какими-то абстрактными мыслями. Обо всем и ни о чем. Еду и думаю, думаю и еду. Время будто остановилось, какая-то монотонность пришибленного бытия, что-то вроде однообразного качания маятника. И только уцепив промелькнувшую мысль за хвост, отстраненно соображаю, что ведь думаю я как раз о том... какое спокойное и уравновешенное это движение по серому полотну дороги, как приятно ощущать полную гармоничность слияния с окружающим после всего, что стряслось за последнее время.

Вдруг что-то белое, полупрозрачное промелькнуло в воздухе. Показалось? Да, нет же, нет, это же оно, крыло ангела, – подумалось мне. Крыло моего Ангела – Ангела-Хранителя, который был со мной на протяжении всего этого жуткого времени, который так оберегал меня, и сейчас, видимо, для моего полного успокоения, напомнил еще раз о своем присутствии.

Хмель приключений кружил мою голову всегда. Неведомые земли, захват и освобождение заложников, геройство

спецслужб, телепатия и управление человеческими эмоциями, все это беспредельно увлекало меня и будоражило кровь и душу. Смешно признаться, но в юности я мечтал стать спецагентом. Охранять первых лиц государства. В мыслях своих я поступал в разведшколу, отправлялся на секретную учебу, на долгое время исчезал из поля зрения верных своих друзей, а потом неожиданно возвращался к ним, каким-то загадочным и удивительно успешным. Да, мне хотелось быть таким таинственным героем, но, увы, нужно сказать, что это были всего лишь мечты далекой и наивной юности. А настоящая, реальная жизнь настолько поглотила и закружила меня, что я и думать забыл о романтических мыслях прекрасного возраста и стал, как мне казалось, лишь сторонним наблюдателем, человеком из зрительного зала, читателем приключенческих романов. И уже в силу этого никоим образом не ожидал я, что окажусь участником всей этой леденящей душу истории, которую не хотел бы увидеть даже в кошмарном сне.

А ведь ничто не предвещало беды...

День рождения

Пожалуй, началом всей этой истории следует считать день рождения Кати, моей дочурки, которой исполнилось тогда десять лет. Катерина родилась в майские праздники и, как все дети, которым выпала подобная доля, горестно сетовала по данному поводу, поскольку в это время собрать на свой юбилей близких подруг было делом практически невозможным. Все успевали разъехаться кто куда, кто на дачу, кто к теплому морю, а кто и в модное зарубежье. Моя бывшая жена Татьяна, каждый раз пытаясь создать для ребенка жизне-радостную атмосферу массового участия, приглашала в этот день собственных друзей на «детский день рождения». Стало это дело традиционным, и одна и та же картина повторялась из года в год. Взрослые приходили, приносили Катьке подарки, произносили банальные поздравления и тут же забывали об имениннице. Кого среди тех визитеров только не было! И какие-то родственники, и лучшие подруги с приятелями, и сотрудники по работе со своими половинами, а случалось и так, что какой-нибудь друг приводил с собой нежданно-негаданно прилетевшего издалека командировочного, которого в данный момент просто некуда было пристроить. Порой, на пике общего веселья, моя дочь обращалась ко мне с вопросами: «Пап, а кто этот дядя? И почему я его не помню?» Иногда мы оба посматривали друг на друга

с недоумением, бывало, я и сам не знал тех, кто оказался на нашем празднике, что зачастую оборачивалось довольно пикантными ситуациями. По первому времени я пытался убедить жену, что не стоит превращать дни рождения дочери в неуправляемые сборища, но она стояла на своем.

– Ребенок должен знать, что его день рождения, – это большой праздник не только для нас с тобой! Он просто должен сопровождаться многочисленными гостями, подарками, танцами и задуванием свечей под громкие аплодисменты. Не надо драматизировать! Хочется посидеть в тесном кругу – посидим. Но завтра.

Мнение ее на этот счет было непреклонным, и со временем я перестал с ней спорить, а после развода даже и разговоров не заводил на эту тему. Просто, как и все остальные, создавал массовость доброжелательной толпы, объявляясь на главном празднике моей единственной дочери.

И в тот день все было как всегда. Мне пришлось немного задержаться в офисе и, когда я освободился и приехал, в небольшой квартирке было просто не протолкнуться. На кухне оттачивали языки и усиленно дымили какие-то дамы, в коридоре громко и оживленно что-то обсуждала группа незнакомых мне мужчин, на балконе проветривалось несколько приглашенных. Среди этого столпотворения суетливо сновали какие-то подруги бывшей моей благоверной, унося и поднося некие разносолы и всякие прочие угощения. Мне с трудом удалось отыскать Татьяну.

– Ах, какой сюрприз! Ну, наконец-то! Ребенок просто заждался, – вместо приветствия бросила она мне. – Уж в такой-то день мог бы и свернуть свои дела.

– Ладно, не возмущайся, – прервал я ее словесный натиск. – Лучше скажи, где Катька.

– Где Катька! У себя. Ей там какую-то штуку занятную подарили, вот она и удалилась для ознакомления. Иди, иди, – фыркнула она уничижительно, – она с утра тебя ждет.

В комнате дочери было на редкость тихо и спокойно. Мне даже на секунду показалось, что и звуки «вселенской пирушки» сюда не могут пробиться. Моя взрослая, десятилетняя дочь сидела на кровати с каким-то чудовищем в руках, а рядом с ней восседала моя школьная подруга Дина.

– Папа! – радостно воскликнула Катька, едва я приоткрыл дверь.

Двумя прыжками она оказалась возле меня, а с третьим повисла на моих плечах.

– Ну, что же ты так долго?! Я тебя все жду, жду!

– Прости, малышок! Задержался. А это тебе, и с днем рождения тебя! – я протянул ей маленькую красную бархатную коробочку.

Катька восторженно ахнула, бережно приняла ее, раскрыла и погрузилась в созерцание. Я всегда любил смотреть, как моя дочь реагирует на подарки. Так ведь помимо всего прочего ты и сам испытываешь в этот момент превеликое удовольствие, замечая, как в глазах твоего ребенка начинается

светиться огонек счастья, и ты с удовлетворением сознаешь, что опять попал в точку, что это именно то, о чем она мечтала. Пока именинница охала и ахала, я, еще не стерев с лица улыбки, подмигнул Дине.

– Привет! И давно ты здесь?

– Да нет, не особенно. Но, кажется, вовремя. Вот знакомлюсь с очередным подарком господина Гебауэра . – И она показала на то самое чудовище, которое только что держала в руках моя дочь, и которое сейчас покоилось на кровати.

Но в этот момент ошарашенная Катерина уже закончила тщательное изучение маленького золотого сердечка на золотой цепочке. Она шумно запрыгала по комнате, закружилась вокруг меня, а потом снова повисла на плечах и звучно чмокнула в щеку. Теперь уже мы кружились по комнате оба, и только я успел поставить ее на пол, как в тот самый момент в распахнутых дверях появилась Татьяна.

– Ну, что? – Брови ее круто скакнули вверх, – можно отметить, что счастливое воссоединение отца с дочерью состоялось?

– Да, ладно, – отмахнулся я, – не занудствуй. Лучше скажи, где твой Гебауэр откопал это страшилище, – я показал на кровать.

– Пап! – воскликнула Катя, – это же настоящая кукла Вуду! Дядя Жан привез ее из Конго. Он сказал, ему подарили ее в каком-то диком племени. – И понизив голос, добавила, – учти, она волшебная!

– Это просто игрушка, – наставительно произнесла Татьяна. – Сувенир, может и не такой уж жизнерадостный, но забавный.

Ну, уж нет, я категорически не разделял ее мнения. Да, мои познания в области африканских культов были весьма туманными, потому как лишь краем уха слышал я об их существовании, о том, что есть какое-то такое течение, но я был абсолютно уверен, что это совсем не игрушка для ребенка. Этой вещи не место дома! Я чувствовал это, я отвергал ее, хотя в тот момент даже представить себе не мог, что это маленькое уродливое тряпичное подобие человека уже очень скоро, против моей воли, внедрится в мою жизнь и превратит ее в ад!

Должен сказать, что по жизни я реалист и неисправимый скептик. Несмотря на то, что в последние годы в моем любимом отечестве все вокруг только и рассуждают о всемогущих магах и чародеях, целителях и экстрасенсах, материальности мысли и визуализации желаемого, я всегда оставался уверенным в себе прагматиком и от души высмеивал все эти тенденции и мировоззрения, извлеченные из мрачных подвалов средневековья. Умопомрачительные телепередачи о чудесных способностях человека и тесных связях человечества с космосом казались мне, по меньшей мере, легковесными и неправдоподобными. Все эти навязчивые телесансы по исцелению недугов, усилению веры и крутого изменения собственной жизни я воспринимал не более, как чи-

стое шарлатанство. Маги, с телевизионных экранов возвращавшие жизнь давно заржавевшим часам и дающие установки на дружбу и любовь, высмеивались мною нещадно. И тут эта кукла...

Даже не знаю, почему я вдруг с таким негативом воспринял ее появление, возможно, собственная интуиция уже тогда пыталась достучаться до моего разума, она будто подсказывала мне, что где-то здесь притаилась опасность и нужно быть крайне осторожным. Я никогда не ходил к гадалкам и не пытался лечиться у народных целителей, но и не осуждал людей, пользующихся их услугами. Каждому свойственно идти своей дорогой и каждый избирает свою методику изыскания средств по обеспечению благополучного существования. Главное при этом, как говорится – «не навреди», а вот как это понимать, зависит уже от твоей собственной вменяемости.

– Тань, – с чувством произнес я, – мне кажется, что на сей раз, твой приятель несколько переборщил. Это вовсе не детская игрушка.

– Да, перестань ты, – вступилась вдруг моя подруга, – Ну, подумаешь, Вуду! Детские сказочки.

Подруга немного не то слово, которое можно применить к моей Дине. Звучит оно как-то шаблонно, и совсем не отражает тех чувств, которые я к ней испытываю еще со школьной скамьи, и о которых она, да и не только она, хорошо знает, только вот признаться в них я до сих пор не имел подхо-

дящего случая. С этим я всегда опаздывал. Когда я хотел сделать это в первый раз, она опередила меня, признавшись, что безумно влюблена в моего соседа по парте Вовку Назарова, и после окончания школы, будучи уже на втором курсе, выскочила за него замуж. Их совместная жизнь была сплошным «Ледовым побоищем», «ледовым» потому что в те годы настоящим именем Дины было «Льдина». Ее мамаша, трижды поступавшая в театральные училища и считавшая себя натурой творческой и незаурядной, назвала свою дочь в честь героини любимой сказки Андерсена «Снежная королева». Но поскольку у королевы в сказке имени не было, она решила его придумать. И обозначить им свою дочь. Дина собственное имя ненавидела и тщательно скрывала, а посему, едва достигнув совершеннолетия, поспешила выбросить из него две первые буквы. Ну, а поскольку обидеть мамочку этим она уже не могла, ибо к тому времени та успела сбежать с каким-то заезжим актеришкой куда-то в Тмутаракань, а Дина жила с бабушкой, то прошло это совершенно незаметно, хотя магия имени, данного ей при рождении, делала свое дело. Она была хладнокровной и строгой, а когда злилась, глаза ее становились холодными и колючими, как льдинки. Я любил ее безумно, и когда после очередного «побоища» она прибежала ко мне вся в слезах и сказала, что Вовка собрал вещи и был таков, я, конечно, принялся утешать ее, но в глубине души ликовал и думал, что вот, наконец-то мой час пробил. Я решил для приличия выждать немного, а потом раскрыть

свое сердце, но... не успел. Дина быстро утешилась в объятиях студента-технаря. А когда с горизонта исчез и он, то мгновенно нарисовался биолог, а за биологом какой-то танцор, а потом я уже потерял им счет. И всякий раз Дина приходила ко мне за советом, сочувствием или просто высказать все, что у нее за это время накопилось на душе. Она вовсе не ветренная особа, просто, как и снежной королеве, ей в соответствии с положением, всегда нужен подданный. Её любят и боготворят, а она позволяет себя любить. Но холодность и прагматичность, наверное, не уживаются с пламенеющими сердцами. Поэтому у избранных ею «жертв» со временем сердца остывали, возвращаясь в исходное состояние, и любовные истории «Льдины» заканчиваясь, оставались замороженными в ледниках её памяти. В какой-то момент и я перестал ждать удобного случая для выражения своих чувств. Думал, что вот она отгуляет свое, успокоится и тогда настанет мое время. Но я, как всегда, просчитался. Дина опять влюбилась и снова вышла замуж. Только на этот раз все оказалось серьезно, и начинающий медик постепенно превратился в уважаемого хирурга, и вот уже одиннадцать лет, как они вполне счастливы. Ну, или почти. Поскольку Серега, Динин муж, будучи вполне успешным врачом, да к тому же еще и недурен собой, пользовался большим успехом у женщин вообще, и у своих пациенток, в частности.

– Вот именно! – обрадовалась поддержке Татьяна. – Не делай из мухи слона. Человек хотел как лучше. Подарил что-

то особенное. Не порть нам праздник.

Я не стал с ней спорить. Я вообще никогда с ней не спорил. Встретаться с Татьяной я начал тогда, когда Дина нашла себе своего доктора и в очередной раз влюбилась. К моему удивлению на этот раз уже всерьез. Вот тогда, жутко обозлившись, скорее на себя, чем на нее, я решил тоже себе «кого-то найти». Сделать это было не сложно, все мои друзья-приятели спали и видели, как бы меня с кем-нибудь познакомить, поэтому, стоило только заикнуться, и рядом мгновенно появилась чья-то подруга. «Ну, помнишь, Андрюхину сестру, так вот это подруга ее племянницы, замечательная девушка...» и т.д. и т.п. Я был не против. Ну, замечательная и хорошо. Я не спорил. Я был зол. В сущности, Татьяна действительно была девушкой неплохой. Она закончила 3-й Медицинский институт, факультет стоматологии, была безгранично коммуникабельна и обладала обширнейшими связями. У нее было миллион друзей и знакомых, все ее любили и уважали и, в принципе, «проходной двор» в ее квартире был всегда, а не только по праздникам.

– Пусть будет так, – согласился я, – но ты только скажи мне, где этот самый Гебауэр? Хотелось бы спросить у него, где он раскопал такое сокровище.

– Ну, откуда мне знать, – удивилась Татьяна, – здесь где-то. Сам знаешь, в квартире всего-то три комнаты. Ну, еще кухня и балкон. Поищи. – И она выпорхнула из детской к своим гостям.

– Девчонки, пойду, поищу его. Вы как, со мной?

– Нет! – в один голос откликнулись уважаемые дамы. – Нам уже хватило гостей. Мы лучше побудем здесь, в тишине.

Я и в самом деле моментально наткнулся на Жана Гебауэра, пребывавшего на кухне. Он задумчиво курил у открытого окна, неторопливо потягивая какой-то коктейль из высокого бокала.

– Оу, Стас! Привет! – растягивая слова на французский манер, приветствовал он меня.

– Бонжур, Жан! Рад тебя видеть! Прошло, наверное, сто лет со дня нашей прошлой встречи! – Мы крепко пожали друг другу руки.

– Да, когда мы виделись в последний раз? А, как раз на дне рождения этой прекрасной женщины, твоей бывшей жены! Надо же, почти год прошел! – Жан мечтательно закатил глаза.

– Ох, Жан, не может быть, чтобы так давно?

Мы оба рассмеялись, и Жан предложил мне сигарету.

– Не курю, – поблагодарил его я. – И тебе не советую.

– Как дела, Стас! Что нового? Как бизнес? Как личная жизнь? – с хитрым прищуром спросил меня француз.

– Все идет своим чередом. Только что вернулся из командировки, ну и отдохнул немного. Ты же знаешь, я люблю совмещать полезное с приятным.

– О, да! Я это знаю. Где был на этот раз? Кого опять покоришь своим шармом? – спросил Жан, демонстрируя очаро-

вательный французский прононс.

– Ну... шарм и обаяние это твои спутники. А посетил на сей раз я Кубу и Доминиканскую республику. Вот, вернулся четыре дня назад. Как раз подгадал к Катюшкиному дню рождения.

Он всплеснул руками.

– Прекрасно, Стас! Это великие места с великой историей! Мы обязательно должны обсудить твои впечатления как-нибудь за чашечкой кофе. Наверно, ты хорошо подготовился к поездке и проведенное время в таких замечательных странах наверняка оставило незабываемые эмоции. Непременно нужно встретиться и поговорить об этом!!!

Затронутая тема была для Жана очень близка, и он уже входил в состояние эйфории. Я поспешил его осадить.

– С удовольствием, Жан. Правда, я не такой романтик как ты и, конечно же, не забирался в непроходимые дебри в тех местах, но я с удовольствием обсужу с тобой это путешествие. Кстати, про дебри! – я горел нетерпением задать ему вопрос об интересующем меня предмете. – Жан, где ты взял то чудовище, которое подарил моей дочери?

– Оу, Стас, это совсем не чудовище! Это настоящий Вуду! Ты знаешь, это было такое интересное приключение! Я открыл для себя новую Африку!

Жан мгновенно завелся, оседлав своего любимого конька. Вообще, он был безумно интересным человеком, изездил, исходил, исколесил, кажется, весь мир. В Россию он прие-

хал еще в конце восьмидесятых и, как сам говорил, «мгновенно влюбился» в нашу страну. У него были несомненные способности к языкам, он легко говорил на немецком, английском и испанском языках, и без особого труда освоил русский. Гебауэр был бизнесменом широкого размаха, мог продать и купить все, что угодно, он был из тех авантюристов, каких мало на этом свете. Куда только не забрасывала его судьба! И отовсюду он привозил диковинные рассказы, больше похожие на сказки. В квартире, а еще совсем недавно это был наш общий с Татьяной дом, уже накопилась обширная коллекция различных сувениров, привезенных им из далеких стран. Это были и загадочные статуэтки, высеченные из цельного камня, и фигурки африканских божков, вырезанные из дерева, подсвечники ручной ковки, плетеные амулеты и даже шаманские маски, увешанные какими-то побрякушками и украшенные перьями. Чего он только не приволок сюда! И всегда, все привезенные им предметы, были окутаны какой-то тайной мистикой и скрытым волшебством. Думаю, что большую часть своих рассказов он выдумывал, но выдумывал так искусно, что, кажется, верил в них и сам, отчего с течением времени никто уже не мог отделить правду от вымысла. А еще, мне кажется, он всегда неровно дышал к моей бывшей жене, но, видимо, интуитивно не чувствуя в ней ответных эмоций, никогда не раскрывал ей желания своего сердца.

– Ты знаешь, Стас, – Жана уже «понесло», – Африка –

это удивительное место. Там доисторическое прошлое соседствует с современностью, там наравне с последними достижениями прогресса сосуществует некое подобие средневековья. В глубинах этого континента скрываются судьбоносные тайны! И, поверь мне, Вуду – лишь одна из них. Мне посчастливилось побывать в общине Вуду в самом сердце Конго!

– О, Боже, Жан! Как тебя занесло в это Конго?

Жан рассмеялся.

– О, Стас, не знаю в курсе ли ты, но не так давно там закончилась гражданская война, передел зон влияния, создана новая власть. А значит, возникла возможность прилично заработать. Разве мог я такое упустить? Ну, а когда сделки успешно завершились, мне показали некоторые местные достопримечательности. В частности, нас занесло в какую-то непролазную гущу джунглей, где обитают абсолютно дикие племена. В общем, долго рассказывать, местный колдун, в обмен на некоторые дары цивилизации, презентовал мне кое-какие интересные безделушки, и ту самую куклу.

– Но, послушай, Жан, мне кажется, это совсем не детская игрушка. Кроме того, она страшна, как атомная война.

– Перестань, Стас! Это всего лишь игрушка. Правда, колдун предупреждал меня, что она обладает неким волшебным даром, но мы же с тобой цивилизованные люди и не верим в подобные рассказы! Не бери в голову! Ну, не нравится – выброси.

– Как же! – посетовал я, – Катьке она чем-то уж очень понравилась, она с ней не расстанется ни за что.

– Ну, тогда забудь, – пожал плечами Жан. – И давай лучше выпьем за здоровье твоей дочери.

На этом мы и сошлись. В этот момент в кухню вошли другие гости, разговор перешел на общие темы, и я забыл о подарке конголезского колдуна.

Какое счастье, что этот день прошел, хотя так и не стоило бы говорить о дне рождения любимой дочери. Но он тянулся настолько долго, что, кажется, вместил в себя несколько лет ее взросления. Мало того, что он был наполнен рутинными делами, круговертью явно посторонних людей, присутствующих на нашем празднике, так хватало в избытке еще и рассуждений и подколов по поводу этой дурацкой куклы. Катюшка, конечно, стерла весь негатив рабочего дня, но сам этот подарок, да плюс ворчание бывшей жены, сумели-таки омрачить столь радостный для нас обоих день. А ведь было бы из-за чего выслушивать критику в свой адрес!

Еще несколько минут в дороге, завезти Динку домой, и я наконец-то смогу расслабиться и воспарить в мыслях о счастливом отцовстве у себя в берлоге.

– Динка, давай закругляться. Уже почти полночь, как бы моя карета не превратилась в тыкву. Завтра мне предстоит нелёгкие переговоры. Я должен выспаться и еще проштудировать некоторые документы. Поехали.

– Ох, конечно. Рациональное проведение времени превыше всего. Педант! Все девочки, пока! Катюшка, тебе и правда уже пора отдыхать. Наслаждайся подарками. Целую, целую, целую. Еще раз с днем рождения, детка. Танюшка, пожалуйста, мы поедem. И в самом деле, уже поздно.

– Стас, помнишь наш разговор о моей командировке? Так вот, на следующей неделе, я улетаю на симпозиум по имплантологии, семинары и диспуты займут шесть дней, так, что Катюха переходит на твое попечение. Вещи я соберу. – Как обычно Татьяна напоминала мне все в последний момент. Ну, не может она понять, что мне же надо подготовить свою холостяцкую квартиру к приезду дочери, закупить провиант, да и вообще...

– О'кей, – сказал я, впрочем, искренне обрадовавшись. Это же здорово, что на время Татьянинного отсутствия Катюшка поживет у меня. Уж тут-то мы реально насладимся обществом друг друга. Обсудим все дочкины дела и, наконец-то, не будем выслушивать никаких бабских сентенций. Ладно, вариантов-то все равно других нет. Моей мамы не стало через год после нашего развода, отец давно отдалился, а Танины родители, – Вера Семеновна и Антон Петрович, живут в Екатеринбурге. Так что мы всегда согласовывали друг с другом свои разъезды таким образом, чтобы наша дочь никак не страдала от этого.

Мы с Диной быстро накинули плащи, хоть на дворе и май, но в этом году он не удался, и дни стояли прохладные. А с

утра еще зарядил дождь, периодически перекатывалась гроза. На улице темень, и за время нашего прекрасного времяпровождения городские просторы превратились в озера и реки, а кое-где наблюдалось подобие селевых потоков. В такую погоду дорога может занять намного больше времени, нежели планировалось, в силу несовершенства дождевых стоков на наших автомагистралях, а мы отправляемся в путь вовсе даже не на корабле.

Я расцеловал Катюху.

– Дочка, милая, обещаю тебе прекрасно провести неделю мамино отсутствия. Мы устроим себе вечернее поедание чипсов, рассказывание занимательных историй и найдем хороший повод повеселиться. Люблю тебя. До скорого свидания, моя принцесса.

Катя с Таней проводили нас до лифта, причем Катерина так и не рассталась с этим отвратительным чудовищем-Вуду, и даже когда мы зашли в кабину продолжала махать нам её коротенькой бесформенной ручкой, изображая воздушные поцелуи, якобы отправляемые ею же.

Спустившись на улицу, мы с Диной увидели не машину, а практически затонувший «Титаник».

– Дин, ты шагай аккуратнее, не промокни. Может, тебе стоило бы немного задержаться, пока я подгоню машину к подъезду?

– Нет, я подышу вечерней прохладой и свежестью. В воздухе изобилие озона, я уже выбралась на относительно неза-

топленное место, могу и постоять, а ты тем временем подплывай ко мне, мой капитан. И знаешь, мне будет приятно посмотреть на тебя в действии. Хотелось бы понаблюдать, насколько ты ловок в обращении со штурвалом, – высказалась моя подруга и ехидно рассмеялась.

– Смейся, душа моя, смейся. Я устал и не собираюсь реагировать на твои колкости. Хватит с меня. Ты даже в присутствии дочери и бывшей супруги умудряешься меня поучать как мальчишку.

– Да ладно тебе. Надо же было как-то разрядить обстановку. Катюхе явно понравилась эта кукла. А ты с какой стати сразу начал критиковать подарки? Конечно же, твой презент был гораздо практичнее...

– А, что? Что ты имеешь против украшений? Не просто безделушек, а золотых украшений? Тешу себя тем, что у Катерины останется память от меня, может быть, и на долгие годы.

– Хорошо, хорошо, согласна, он, естественно, принес ей удовольствие, как это и должно быть у настоящей леди, но не забывай же и о том, что она все-таки ребенок и ей хочется фантазировать и играть.

– Ладно, я же не категорически против. Просто считаю, что подарки, а тем более игрушки для девочки, должны быть красивыми, а не такими гадкими, как эта «кукла». Ну, да ладно. Оставим эту тему. Если Катюшке нравится, пусть забавляется. Она даже имя успела ему дать, Бяка что ли? Ну, вер-

ное имечко, – рассмеялся я. – Остается только добавить, что Татьяна как всегда неисправима. Дочерин день рождения, а она наприглашала Бог знает кого и зачем. Вот Катька и общалась целый вечер со мной, с тобой, да с Гебауэром. Она, конечно, молодец, во всем видит плюсы. Обожаю ее за исключительный позитив.

Мы наконец-то забрались в машину, хвала изобретателю подогрева сидений, выручают в любое ненастье! Двигатель уже мерно гудел, а не тарахтел, набирая обороты и избавляясь от влажности. Мягко тронулись и покатали восвояси. Мне нравится мокрая дорога. Черная и блестящая, отражающая свет, будто бы заигрывающая с тобой. На таком полотне машину чувствуешь как-то особо. Она становится живее, проявляет характер, вроде бы рвется махнуть куда ей заблагорассудится, а тут ты, повелитель руля, направляешь ее в нужное русло. Все же ты хозяин, а она твой верный конь.

Время хотя и позднее, но машин достаточно, видимо людям надоело пережидать ливень, а может быть, вырвались из пробок, и теперь стремятся к цели, объезжая «затонувшие суда». Интересно, что будет завтра с утра? Наверное, стоит выехать пораньше. В нашей средней полосе абсолютно непредсказуемые метеоусловия. А заботливые городские службы могут в час пик заполнить громадными аварийными машинами самые массовые магистрали в надежде оказать посильную помощь на дорогах и тогда, получасовая езда без пробок превратится в абсолютный коллапс.

– Так, что тут у нас за пробка? Нет, ну как в двенадцать часов ночи может быть пробка? Дин, ну, давай, что ли развлекай меня байками. Мало того, что сегодня тяжелый день, а завтра будет не легче, так еще и в полночь нельзя быстро доехать домой!

– Стас, да перестань ты бухтеть. Смотри, впереди авария...

Впереди, на полосе встречного движения, на перекрестке со светофором стояла четверка, наш российский автомобиль. Водитель лежит на рулевом колесе, куча битой пластмассы, стекла и еще непонятно чего. Машина без признаков жизни. Фары не горят, двигатель заглушен. Наверное, в такой ситуации кощунственно говорить о признаках жизни автомобиля. Скорее так можно сказать о водителе. Странно, он сидит, уткнувшись в руль, а рядом никого. С кем же он столкнулся, что произошло? И темнота такая! Конечно, дорога освещена фонарями, мы же практически в центре города. Но никаких аварийных знаков или предупредительных сигналов не видно. Машины по нашей полосе еле едут. Наверное, водителями правит любопытство.

– Смотри, на противоположной стороне грузят машину, – сказала Дина.

И правда, со стороны нашей обочины стоял эвакуатор, на него доблестные сотрудники ГИБДД уже погрузили автомобиль. Тоже наш, вроде девятка. Передняя часть автомобиля практически отсутствовала. Абсолютная смятка. Ни скорой

помощи, ни машин ДПС с мигалками, ничего. Правда, когда мы заползли в пробку, несколько таких машин проехало, но здесь – тишина. Странно, почему никого нет возле битой четверки, она вроде не сильно пострадала. Я, конечно, не рассматривал все подробности, но мне показалось, что она целая, а эта девятка разбита очень сильно. В девятке нет водителя, а в четверке он сидит, только как-то странно сидит, не понятно, что с ним и почему-то рядом никого нет. Разве не нужна ему помощь? Или он просто в шоке? Странная ситуация. Может быть, ему нужна психологическая помощь? Или она на «скорую» не распространяется?

Не люблю я аварии. Тем более трагичные. Ехать еще километров двенадцать, устал как собака, а тут еще такие печальные картины. На душе стало муторно. Еще и пробка. Ладно бы проехать быстро, не вдумываясь в произошедшее. А тут, как назло, ползешь и волей – неволей, взгляд приковывается к случившемуся.

Мы с Диной замолчали. Наверное, и ее посетили такие же мысли, но углубляться в них я не стал.

Мы ехали дальше, затор закончился, машины разъехались по разным направлениям. Впереди был еще небольшой кусок дороги по МКАДу, а из головы не выходил этот «горестно» прильнувший к рулю водитель.

На МКАДе было свободно. Свободно и «ночно». Мы аккуратно, лихачить совсем не хотелось, вырулили на кольцо. Оставалось проехать всего шесть или семь километров. Я пе-

рестроился во второй ряд и, выбрав оптимальный скоростной режим, стал сокращать расстояние до дома.

Дина сидела молча. Увиденное, скорее всего, тоже испортило ей настроение. Все же реакция на трагедию у человека одна и та же. Он замыкается и тихо переживает ее в себе. Скорее всего, не долго, особенно когда она происходит не именно с ним, а с абсолютно чужими людьми.

Дороги осталась самая малость, сейчас за мостом будет поворот направо. И здесь

Из ниоткуда, стремительно вылетел автомобиль. Летящая как пуля точка возникла в зеркале заднего вида. Ну, что за идиот! Несется как сумасшедший. Машин-то минимум, зачем так маневрировать? На скользкой дороге и с непрекращающимся дождем, а это как по маслу, зачем еще перестраиваться из ряда в ряд и обгонять водителей, оберегающих свою жизнь? Что же так торопит этого человека? Не буду дергаться. Пока он всех видит, и никто не испугался, и не шарахнулся в сторону...

Мысли, словно бабочки, запорхали в моей голове. Вон та синяя шестерка, она и так едет неуверенно. То тормозит и ее начинает заносить, то мне вообще кажется, что управляющей ею человек абсолютно беспомощен, не знает, что и куда ему нужно. Он уже несколько раз пытался перестроиться для поворота, но передумывал. В самом деле, едет и думает, куда же ему надо. Ну, точно. Сейчас увидит эту «пулю» и запаникует. «Пуля» стремительно приближается и превращается в

белую «Хонду». Все верно... Вот она – паника... Водитель шестерки резко выруливает вправо, как раз в мой ряд. Видит меня, нажимает газ, машину разворачивает и начинает крутить на широком полотне МКАДа. Я бью по тормозам, а он по инерции с круговыми движениями летит вперед, скорость хоть и небольшая, но все же летит. У меня срабатывает АВС, в руль я вцепился двумя руками. В голове пролетает мысль, как хорошо, что мы пристегнуты. Шестерка уже замедляет свое движение, а сумасшедший водитель «Хонды», не ожидая ничего подобного, скорее всего, чисто интуитивно тоже бьет по тормозам и выкручивает руль влево, а там разделительный бордюр. Черт, зверское зрелище. Как в замедленной съемке, «Хонда» взлетает с покатога борта бетонного разделительного ограждения и, как доска скейтборда, переворачиваясь, летит на середину МКАДа. У меня захватывает сердце. Ничего не вижу вокруг. Мысли только об одном – жить или не жить!!! Сильный удар и кромешная тьма...

– Стас, ты чего так напрягся? Прямо вытянулся в струну? – выдернула меня из жуткого забытья Дина.

– Черт, дурацкие мысли. Ты не представляешь себе, но уже в который раз, я представляю аварию, участником которой невольно становлюсь сам. И сейчас, после того аварийного перекрестка, воображение снова сыграло со мной злую шутку. Будто секундное помешательство, но настолько яркое, словно наяву. Фу... слава Богу, это всего лишь видение.

– Ну, здравствуйте, приплыли. Остается только предста-

вить, как мы с тобой разбиваемся на смерть. Давай уж доберемся до дома без приключений. Кстати, – Дина насмешливо прищурилась, – а ты когда попал в эту аварию, все рассмотрел до конца или зажмурил глаза?

Она рассмеялась, тем самым немного приободрив меня.

Все. Надо завязывать с приключениями и детективами. Надо почитать сказки. Как хорошо, что Катюха будет со мной целую неделю. Нам предстоит просто великолепные дни.

Тревожный симптом

Итак, моя бывшая жена улетела на какой-то важный симпозиум в Питер, а Катерина переехала ко мне. И порядок в моей квартире закончился. Я, конечно не зануда, но аккуратист. Люблю, когда все на своих местах, люблю чистоту. Каждое появление дочери в моей квартире всегда подобно тайфуну. Она привозит с собой невероятное количество вещей: одежды, книг, игрушек, косметических принадлежностей. Каким-то непостижимым образом все это мгновенно распространяется по всей жилой (и не жилой) площади и я уже сам ничего не могу найти. Так было и на этот раз.

– Пап, не переживай, – успокаивала меня дочь, – Приду из школы и все уберу!

Я, конечно же, знал, что это пустые слова, но тешил себя надеждой, что вечером, вернувшись с работы, найду свою квартиру в том состоянии, в котором я привык ее видеть. Однако, вернувшись, понял, что ничего не изменилось, а моя Катюха сидела на кухне с заплаканными глазами, и пустым взглядом смотрела в окно.

– Так! – сказал я, – Ты плачешь из-за двоек? Или, может, уже скучаешь по маме?

– Не говори глупостей! – плаксиво сказала Катя, – Я что, маленькая, что ли!

– Тогда в чем дело?

Катерина молчала.

– Ладно, – я решил поменять тактику. – Тогда, может, сначала поедим, а потом ты мне все расскажешь?

Я быстро переоделся и накрыл на стол. Катька помогала мне, как могла. Ужин прошел на удивление тихо.

– Ну, ладно, давай, рассказывай! – Я начинал терять терпение. Я все же отец и не особенно силен в утешении маленьких девочек. Тем более, если причина слез мне не известна.

– Ну, – начала Катя, и слезы снова хлынули по ее щекам. – Просто Наташка сегодня расхвасталась, как она с родителями поедет на море, как они то, как они сё... Она нарочно говорила «а вот мой папа», «а моя мама», и все поглядывала на меня, зная как мне это неприятно. Она ведь знает, что я никогда не поеду вместе с папой и с мамой, она знает, что мои папа с мамой развелись, и мы никогда не будем вместе!

И она зарыдала так горько, что и у меня защипало в уголках глаз.

– Малышок! – я обнял свою рыдающую дочь, и начал гладить ее по голове. – Но ведь это ничего не значит! Ты же знаешь, что и я и мама, мы очень тебя любим и всегда будем с тобой. Ну, ты ведь уже взрослая! Ты же знаешь, что иногда люди расходятся, но жизнь на этом не останавливается!

– А моя вот останавливается! – продолжал рыдать мой ребенок, и слезы текли и текли по ее щекам непрерывным потоком.

Уже весь верх ее футболки промок, и мне пришлось до-

стать свой платок и вытирать ей лицо. Даже не знаю, что на нее нашло. Развелись с женой мы довольно давно, и я думал, что Катька уже свыклась с этой мыслью. Я лепетал какие-то бессмысленные ласковые слова, чуть покачивал дочь в своих руках, и постепенно она успокоилась, только все еще судорожно всхлипывала и комкала в руках мой насквозь промокший платок.

Н-да, первый день нашего счастливого совместного проживания с дочерью прошел не так легко, как я надеялся, и как это бывало всегда. Ну, ничего, переживем. Тут зазвонил телефон и я пошел отвечать, а когда вернулся, Катерина была уже в полном порядке, слезы высохли, и на лице сияла улыбка.

– Пап, я твой платок Баке повязала, ты не против? – улыбаясь, спросила она, протягивая мне свою куклу Вуду, шею которой теперь украшал мой носовой платок от Диора, подарок одной симпатичной дамочки, вспоминать о которой, впрочем, мне совсем не хотелось.

– Я даже рад! – облегченно сказал я. – Баке он явно к лицу! Или у него морда?

– Лицо! Конечно, лицо! – засмеялась Катька.

Остаток вечера прошел относительно спокойно, я смотрел телевизор на кухне, а Катька занималась чем-то в гостиной. Я любил эти наши совместные вечера, даже если каждый из нас занимался чем-то своим. Было во всем этом некое тихое семейное умиротворение. Потом настало время ложить-

ся спать, я, как всегда, постелил дочери в этой же гостиной, ибо комнат у меня всего две, и отправился к себе в спальню. Еще с часик почитал и выключил свет. Не могу сказать, что я сильно устал, но время было уже довольно позднее, и глаза начали сами собой слипаться, так что я не сомневался, что быстро усну. Однако, не тут то было.

Меня начала мучить бессонница. Абсолютно здоровый мужик и бессонница. Причем самое интересное, что спать-то очень хотелось. Я пытался поуютнее устроиться на прохладном шелке и погрузиться в приятный полумрак, но... сон как рукой сняло. А вставать-то нет смысла, потому, что уже ночь в разгаре. Хотя, конечно, смешно сказать – ночь в разгаре, такая ночь подразумевает собой веселье, реки хорошего алкоголя, красивых женщин и таинственно-голубоватый дым сигар. А в моем случае ночь глубокая и тягучая, в такую ночь одно удовольствие крепко спать, и, может быть, даже без снов, потому, как последние время сны меня посещать стали абсолютно бредовые. Но об этом позже.

В прошлом году я, как и в большинстве случаев, совмещал рабочую командировку и отпуск, и посетил прекраснейший остров Бали. Так вот, там с моим сном вообще происходили метаморфозы. Поездка была настолько насыщенной, что я должен был спать как убитый. Новые люди, деловые встречи, совмещенные с утренними пробежками, бешеным солнцем и приятным океаническим бризом, активное вечернее времяпровождение с компанией – но я совершенно не

мог спать. Я ворочался, бродил, умывался холодной водой, менял место изголовья кровати, торчал на балконе, щелкал телевизионные каналы ... все нипочем, спать я не мог абсолютно. В то время мы с друзьями смеялись, что меня пощещают демоны острова Бали. Якобы, которых я чем-то их прогневал. Может быть тем, что приехал впаривать балийцам блага цивилизации? Я ведь занимаюсь IP-технологиями. Хотя я никого не удивил, народ там просвещенный и уже давно пользуется современными средствами коммуникации. Просто приехал представить свой продукт и делал это весьма успешно. И раз население острова продвинуто, думаю, что местные боги и демоны абсолютно не раздражались моему присутствию. И все же бессонница меня жутко одолевала. Причем повторялась она изо дня в день. Снова и снова. Всё моё пребывание было построено на том, что я гостеприимно встречал этих самых демонов. И странное дело, с утра я не был изможден, и снова с огромным удовольствием ездил по острову, наслаждаясь бушующей природой и удачами в бизнесе.

Сейчас мне, конечно, тоже хватает жизненной энергии, но все же, я ведь не на отдыхе, пусть и совмещенном с работой, здесь в родных пенатах мне нужен полноценный сон и возможность иметь с утра «светлую» голову. И моя нынешняя бессонница начинала меня раздражать. Я ворочался, меня бросало то в жар, то в холод, я не мог найти этому объяснение. Совесть меня не мучает, долги, слава богу, не угнета-

ют, дома все нормально – в чем же дело? А самое главное, ведь я только что вернулся из фантастической поездки. Куба, Доминикана... Вот чёрт, может быть за мной увязались тамошние демоны? И теперь изводят меня дома? В этой командировке у меня тоже было несколько бессонных ночей и я, конечно, вспоминал «балийских демонов» шутки ради, но не придавал этому определенного значения. А вот именно сейчас почему-то подумал о них.

Только что совершенную поездку я запланировал уже давно, просто думал, как совместить эти две прекрасные страны. Надо чтобы поездка не затянулась на месяц, но и не лететь же галопом по «Карибскому бассейну»! Поэтому к планированию моих перемещений и предварительным переговорам я готовился основательно. Было изведено множество «мегабайтной памяти», тысячи аргументов в необходимости внедрения современных сетей Интернета, миллионы слов об удобстве локальных сетей и моей абсолютной нужности потенциальным клиентам. И вот, когда почва была подготовлена, даже я бы сказал, что вспахана от души и удобрена самыми неоспоримыми фактами, и все точки пути следования согласованы, а прошел примерно год с начала этой грандиозной работы, я и отправился покорять новые просторы. Я просто поймал удачное время. На Кубе начали «отпускать» тормоза. У власти уже стоял Рауль Кастро и, как более толерантный человек, он позволил своим гражданам покупать микроволновые печи! Вот это прогресс! Хотя на самом де-

ле мы сами-то не так уж давно получили все блага цивилизации, да если посмотреть масштабно, большая часть из этого изобилия доходит до нас с опозданием. Нет, не скажу, что на Кубе нет связи или она находится в абсолютной стагнации. Все идет своим чередом, но очень медленно. Все же известный приверженец социализма Фидель Алехандро Кастро Рус смог заслужить полную «любовь» и доверие народа, сделать граждан «равными и счастливыми», и сдерживать «изобилующие издержки» капитализма и империализма. Одним словом, в той поездке были заложены основы нашего сотрудничества, которое сулило немалую прибыль. Было договорено, что в середине лета мы встретимся уже на нашей территории, и подпишем все необходимые документы.

Так я провалялся до самого утра. К шести часам, совершенно обессилив и отлежав себе все бока, я отправился на кухню варить кофе. Какое счастье, что мы уже пережили научно-техническую революцию, причем не одну, и полностью открыты для дальнейшего восприятия научно-технического прогресса. Я, как мужчина, причем живущий один, искренне радуюсь современным изобретениям человечества. Стиральной и посудомоечной машинам и, конечно же, кофеварке. Премудростей и кулинарного опыта абсолютно не требуется, необходимо лишь наличие кофе и не напрягающее нажатие кнопочки для того, чтобы через минуту на столе стояла чашка, в которой дымится ароматный напиток с великолепной пенкой.

Посмотрев на часы, я искренне позавидовал Катёнку, она глубоко спала и, наверняка, ей снился волшебный сон.

– Милая моя дочка, – с какой-то особой нежностью подумал я. Мне редко удавалось наблюдать ее спящей. Все же большую часть времени она проводит с мамой. Я мужчина, добытчик, мне некогда тратить время на сантименты, на воспитательные процессы и вообще не представляю, как я могу растить девочку. Что я могу ей преподать? Я по-мужски понимаю человеческие права и подсознательно готов к жестким мерам против любого, кто угрожает моим близким или делу, и поэтому наверняка не смогу научить Катюху объективно оценивать ситуации, а не вставать сразу на дыбы и бить морду. А уж в подростковом возрасте, когда активно идет процесс становления личности, неожиданные «угрозы» подстерегают на каждом шагу. А она ведь девочка, милая, хрупкая девочка. Я уже не говорю о приближающемся половом созревании. Здесь, полагаю, у меня вообще возникнет окончательный стопор. Так, что оставим Кесарю кесарево, а Цезарю цезарево... Нет, я конечно принимаю участие в воспитании дочери, но больше как сторона, которая балует и поощряет.

Меж тем, пока я рассуждал сам с собой, время подкатило к семи. Пора будить Катюху и собирать её в школу, а насколько я помню с последнего её визита, делала она это крайне неохотно.

– Катёнок, просыпайся, – ласково начал журчать я у нее

над ухом, – вставай дочка, пора начинать новую страницу нашей великой книги жизни.

Мне всегда хотелось придать действиям или разговорам оттенок особой значимости, ведь передо мной Катерина, – моя Катерина Великая, моя принцесса. Пока еще принцесса, но она обязательно вырастет в Королеву.

– Катюш, ну поднимайся, уже пора в школу, в светлый храм знаний. Нас ждут великие дела!

– Ну пап, ну-у-у, встаю-ю-ю-ю ... затынула она, – школа, школа ... каждый день эта школа, хочу дома быть, с тобой ... хочу ухаживать за тобой... приносить тебе чай, кофе ... кормить тебя – сказала Катя, уже повиснув у меня на шее.

– Спасибо милая, но нам с тобой надо работать, тебе над знаниями, мне над финансовой стороной наших с тобой развлечений. Так что, милая моя, вперед! На встречу утренней зари!

– Ну па-а-а-апочка! Нельзя всё время работать, надо же отдыхать и радовать свою доченьку.

– Будет, все будет, Катёнок! Поработаем, а потом будем с тобой бездельничать! Ты дуй умываться, а я пока приготовлю завтрак. Давай, живо!

Катерина, что-то недовольное пробурчала себе под нос и побрела в ванную, а я начал готовить завтрак. По моему великому убеждению, завтракать надо плотно. Пока доберешься до работы, все уже утрясется, и даже может проявиться голод. Наши московские пробки в час пик способствуют

пробуждению аппетита. Потому, как хочется кого-то укусить еще по дороге.

Я достал йогурты, бросил на тарелку три сосиски, сунул их в микроволновку, нарезал хлеб и достал любимый Каткин плавленый сыр. Она поела его ложками, ломтями, кусками. Поставил две чашки на стол. С выбором напитков решил не спешить, а, прежде всего, справиться у Её Высочества о предпочтениях.

– Катюша, – крикнул я из кухни, – что ты будешь пить: кофе, какао, чай или сок?

– Мы с Бакой будем пить кофе. Нам, пожалуйста, по чашечке черного. Нет, Бака будет черный, а мне, пожалуйста, со сгущенным молоком. Через минуту будем.

– Принято, моя Королева! Уже делаю. Очень смешно, – «мы с Бакой»! – передразнил я Катерину.

Когда моя дочь, умытая и одетая, наконец-то, присела за стол, времени на трапезу уже практически не оставалось.

– Пап! – А где кофе для Баки? – возмущенно спросила Катерина, – я же сказала, что «мы с Бакой будем кофе», повторила она, акцентируя внимание на БАКЕ. – Я прочитала в интернете, что его надо угощать кофе.

– Слушай, Кать! Давай без этой ерунды, – я уже начинал терять терпение.

Я терпеть не мог опаздывать и не любил, когда опаздывали другие. Тем более, собственная дочь. А уж коли она осталась на моем попечении, то я просто обязан был доставлять ее в

школу во время. Поэтому подобное ребячество за столом я совсем не приветствовал.

– Налей Баке! – занял мой ребенок, и я не на шутку рассердился.

– Слушай, давай без фокусов! Ешь, пей и пошли быстрее. А страшилище твое подождет.

Катя надулась, губы ее скривились, подбородок задрожал, глаза налились предательской влагой, и я понял, что сейчас «плотину прорвет». И точно. Слезы брызнули из ее глаз, как вода из газонного распылителя и я понял, что завтрак окончательно провалился, а также и то, что я никудышный отец. Ну, что мне стоило налить кофе этому пугалу, от меня бы не отвалился кусок, а дочери было бы приятно. Но теперь было уже поздно, я не мог идти на попятную, поскольку так детей не воспитывают, в том смысле, что нельзя отказываться от своих слов и позиции только потому, что дочь применила «слезное оружие».

Вообще-то Катюха совсем не капризная, мы всегда легко находили с ней общий язык, избегая долгих ссор и обид. Но, по всей видимости, переходный возраст или как его сейчас модно называть «пубертатный период» дает о себе знать, и если вспомнить вчерашний наш разговор, психика у нее сейчас подвергнута стрессам. Дети всегда отличаются особенной жестокостью, в общении друг с другом они испытывают различные тактические методы. Знают, как больнее задеть, и порой в разговорах между собой бьют по самому больному, а

это болезненное они чувствуют на уровне инстинктов. Со взрослыми они, конечно, не пытаются ставить такие эксперименты, но вот использовать себе подобных в качестве подопытных кроликов, – это они делают с особой душевной легкостью. Лишь потом у них может сработать чувство вины, особенно если кто-то из авторитетных лиц сможет популярно объяснить, что эта самая совесть все-таки существует. А авторитетами в данном случае не обязательно являются взрослые. Сам помню этот период, вот только оценил всё это я уже в сознательном возрасте, в очередной раз, поймав себя на этапе переоценки вечных ценностей.

Ладно, сейчас не время вдаваться в полемику, сейчас надо успокоить Катерину, причем так, чтобы день строился на позитиве, а не напоминал неудавшееся утро.

– Катя! Ну, Катёна! Ну, перестань! – я засуетился в поисках платка и вспомнил, что он повязан на шее у, опять-таки, этого чертова Баки! – Ну, не плачь! Ну, хочешь, вечером будем вместе смотреть твой сериал? А? А хочешь, пойдём вместо ужина в Макдональдс? Нет? Ну, а чего ты хочешь? Скажи, и я постараюсь это сделать.

– Ничего-о-о-о я не хочу! – как-то уныло прохлюпала Катя. – Я только хочу быть с тобо-о-ой! Ухаживать за тобой! Готовить тебе ужин! И чтобы ты гордился мно-о-ой! Я так ску-учаю-ю-ю...

– Малыш! Да я безмерно горжусь тобой! И зачем за мной ухаживать, я же не инвалид! Ох, ну не плачь же ты! Я же тебя

так люблю и у нас с тобой целая неделя впереди!

– А ты и правда гордишься?– хотя лицо ее прояснилось, и слезы высохли столь же стремительно, как и потекли, Катюшка оставалась грустной и задумчивой, – Ну, ладно, тогда в Макдональдс... – со смиренным видом произнесла она, – неделя, всего-то неделя, – пробурчала она тихо себе под нос.

Мы быстро доели завтрак, но, собственно говоря, утро уже было подпорчено. Надеюсь на то, что в школе она все же отвлечется от надуманной обиды и все пойдет своим чередом. И вечер будет весел и прекрасен. Настоящий вечер исполнения желаний, подумал и, как оказалось, напрасно... По крайней мере, относительно меня.

С этого дня и начались все мои неприятности. День предвещал быть насыщенным, а тут наслоились еще и эти переживания о Катюшке. Куча переговоров, кипа бумаг, надо все успеть сделать в офисе, да еще объехать пол-Москвы и как обычно, в час пик. О Боже, иногда жалею, почему не могу клонироваться, но как говорится, «пока железо в работе, его и ржа не берет». Можно, конечно, перекинуть половину дел на Виктора. Виктор, мой напарник, не могу обозначить его компаньоном в полной мере, но то, что считаю его своей правой рукой, так это точно. Но даже такому ответственному человеку как Витёк, не всегда можно поручить переговоры подобного уровня. И совсем даже не потому, что я сомневаюсь в его способностях, иначе я бы и не определил ему та-

кой статус, но все же абсолютный контроль и полную уверенность в правильности ведения выбранной стратегии можешь гарантировать только ТЫ сам.

Итак, день двигался своим чередом, уже были отредактированы договора, подготовленные после моей поездки на Кубу. Осталось еще тщательно проработать ответственности сторон и форс-мажор, все же политическая ситуация у моих будущих партнеров настораживает, и я должен быть абсолютно защищен. Хотя, если объективно оценить последние годы при долгой болезни Фиделя, то обстановка на Кубе кажется совершенно спокойной и не возникает никаких сомнений в стабильности существующего режима. А, судя по тому, что на пост Главы Госсовета пришел его приемник в лице младшего брата Рауля, можно сделать выводы, что непременно сохранятся существующие властные структуры. Конечно, я как истинный оптимист, рассчитываю на то, что в ближайшие несколько лет, если, конечно же, не будет усилено внешнее воздействие со стороны США, существующий режим останется неизменным. А это исключительно в моих интересах. Бизнес, всего лишь бизнес, и ничего личного. Раздав указания, я выбежал из офиса и тут... случилась первая неприятность... я, естественно, еще никак не ассоциировал ее ни с чем. Ну, просто не повезло.

Иногда конечно, я сам удивляюсь своему безмерному оптимизму.

Оступился на лестнице и сломал ногу. Просто оступил-

ся... Могло быть и хуже, намного хуже, а так, ну, что такое перелом лодыжки? Абсолютно типичная травма. Я еще сопротивлялся, когда ребята подскочили ко мне, говорил, что это всего лишь вывих, просил поставить стопу на место, а она словно жила отдельно, а я все надеялся, что продолжу свой путь экономической славы. Сначала хотели вызвать скорую, но потом решили, что офисный водитель справится с моей транспортировкой гораздо быстрее. Да, ерунда все это!

Все то время, что проторчал в больнице, я непрерывно думал о Катюхе. Вот ведь только запланировали мы с ней прекрасное время проведения после утренней «семейной драмы», и на тебе, – этот чёртов перелом. Врач из приемного отделения, увидев снимки, сразу сказал, что предстоит операция. Перелом малой берцовой не страшен, его можно гипсовать, но вот осколок большой берцовой ушел далеко, его, скорее всего, не удастся выставить руками. Я, весь занятый переживаниями реакции Катерины, убеждал его, что все это сушая ерунда и мне ничто не мешает поехать домой к дочери. Но врач был категоричен, сказал, что если не принять срочные меры и протянуть время, я могу получить не лучший результат, – хромоту, как минимум. Времени было всего половина двенадцатого, и я не решался позвонить дочери, чтобы предупредить ее о том, что не смогу встретить ее у школы. Судя по ее реакциям на малые раздражители, – в данном случае последствия могли оказаться сродни вселенскому потопу. Поэтому я решил подождать со звонком, по-

пробовать уговорить врачей все же отпустить меня. Виктор постоянно названивал мне на мобильный, дабы проконтролировать весь процесс. Он часто выручал меня, даже в сложных семейных ситуациях. В принципе, это был товарищ, хороший товарищ, и не только по работе. Мы общались довольно откровенно, обсуждали личные проблемы, делились радостями, но причиной нашего общения стала именно работа и общие проекты. Пока врачи принимали решения о дальнейшей моей судьбе, я попросил Виктора встретить Катёну, и спокойно оповестить её о том, что случилось. Думаю, при прямом контакте информация будет передана более лояльно, и реакция моей дорогой девочки будет под контролем.

В итоге врачебного консилиума было принято решение все же попробовать поставить кости конечности вручную, наложить гипс и, при благоприятном результате, выпроводить меня домой. Нога меня не беспокоила, я даже отказался от обезболивающего, но как только добрый дядя врач начал вправлять мне кости, почувствовал себя маленьким мальчиком. Абсолютно не защищенным ребенком, которому необходима забота и, чтобы никогда не было БОЛЬНО. А-а-а-а... ужас какой... но сам же напросился... пришлось терпеть адскую боль, корча из себя героя. Ё-моё... это было невыносимо... Мне кажется на моём лице был написан весь ужас переживаемого, а из глаз самопроизвольно текли слезы... Но хирург был непреклонен и, методично вращая моей лома-

но-вывернутой ногой, пытался добиться наилучшего результата.

В итоге гипс был наложен, такой мерзкий белый лангет... с ним, и без штанов, я сам себе казался жалким и беззащитным. Меня водрузили на каталку и повезли на рентген. Боль постепенно отступала, и я постарался выкинуть из головы незвано нахлынувшие вдруг мысли о тщетности жизни, которая прокручивалась не хуже фильма, причем от самого рождения и до этого кабинета рентгенолога. И с чего бы это я так размяк?

Снимок, а вслед за тем обнадеживающие слова практиканта о том, что у врача оказались золотые руки и мне «несказанно повезло» с перелом, незамедлительно сказались на настроении. Затем меня, уже несколько приободренного, вернули в кабинет моего спасителя. Хирург долго рассматривал снимок, и от задумчивого выражения его лица, уверенности и бодрости духа у меня поубавилось.

– Что ж, как я и предполагал, без операции нам не обойтись, – выдал в конце концов свое заключение врач. – Придется оперировать, дорогой мой, иначе кости срастутся неправильно, и вы будете не ходить, а шкандыбать, как старый солдат, которому навсегда закрыт доступ на поле любви. Горевать не нужно, нет на то оснований, операция неизбежна. Давайте-ка, оформляться в стационар, я выпишу направление на покупку материалов для остеосинтеза, и мы назначим время операции. Сегодня у нас понедельник. Если

быстро оформитесь и приобретёте всё необходимое, в четверг сможем прооперировать.

Мысли смешались, как карты в колоде. Ухватиться не за что. Понедельник – четверг! Как же Катюшка, как работа? Ёлки-палки, надо же, как меня угораздило!

Но спорить с врачом бесполезно. Единственное, на что он согласился, так это то, что после моего оформления и суток пребывания в больнице, со сдачей необходимых анализов, он отпустит меня домой, а в день операции я должен быть на месте. Ну, а все последующие проблемы придется решать по мере их возникновения.

Я позвонил Виктору, он уже успел доходчиво разъяснить Катюшке сложившуюся ситуацию, заехал с ней в Макдональдс, привез домой и вообще, по мере возможности, старался заменить ей меня. Динке я тоже позвонил и она, для начала отчитав меня по полной программе, понеслась ко мне в больницу, прихватив необходимые для такого случая вещи.

Я договорился и с соседкой по лестничной клетке, бабой Соней, мировой, должен сказать, женщиной, что она заберет Катёну к себе на весь этот несчастный день. В школу ее отвезет Виктор, а Дина, по мере сил, будет обеспечивать ее досуг. В общем, хлопот я доставил всем. И меня не покидало чувство безутешной вины.

Динка привезла спортивный костюм, который купила по дороге. Притащила зарядное устройство для мобильного.

Даже какие-то йогурты и фрукты, что оказалось абсолютно излишним, потому что уже на следующий день, с синяками на венах от забора крови опытными медсёстрами, я прикатил домой.

Катюшка, напуганная до нельзя, не отходила от меня ни на шаг, и все причитала, что это она во всем виновата, что это ей захотелось, чтобы я оставался дома, вот и получила желаемый результат. Я как мог, успокаивал бедного ребенка, говорил, что еще целый день, пока дядя Витя мотается по Москве в поисках болтов, саморезов и пластин для моей в будущем терминаторской ноги, я буду с ней. А раз так, то у нее будет реальная возможность заботиться обо мне, носить мне чай, расчесывать волосы и вообще быть главной «сиделкой» в моем бедственном положении .

Эх, Катюша, Катюша, я даже и не представлял, как ты была права.

Слава Богу, что вся моя рабочая «команда» обладала прекрасными организаторскими способностями. Виктор приобрел все необходимое для операции, договорился с врачом о точной дате и времени, тщательно записал все рекомендации. Баба Соня строго контролировала вход и выход из квартиры и своевременную доставку питания, а Динка, как квочка, пестующая цыплят, готовила нам с Катюхой различные кулинарные изыски. Татьяне мы ничего не сообщали, даже дочка вступила в наш тайный заговор, иначе последние остатки оптимизма были бы разнесены в клочья под мощ-

ным словесным натиском моей бывшей супруги. Отчасти, мне такое «тайное» сообщество очень импонировало.

Всё шло своим чередом и в четверг я полностью был готов к встрече... с этим ужасом... В половине седьмого утра я уже был на больничной койке, причем пребывал в прекрасном расположении духа. Ну, что собой может представлять современная операция? Погружение в nirvanу, или... упал, очнулся... и вот он, гипс. Но для меня эта процедура оказалась сущей пыткой. Теперь-то я уже знаю, что наркоз в поясничную область, называется спинальный. Ощущения отвратительные. Ты находишься в полном сознании, но ощущаешь себя растением. Нет, не так: твое тело скомбинировано из головы и рук. Больше в наличии нет НИЧЕГО! Можно лишь махать руками, да попытаться заглянуть за раздражающую операционную простынь, натянутую через стойку рядом с лицом. В таком беспомощном положении нечего было и думать о самоличном наблюдении за процессом кровавого вмешательства в собственный организм. А я-то надеялся ничего не выпустить из поля зрения, хотело все держать под контролем...

Что ж, оставалось довольствоваться тем, что закончилось все довольно удачно, по крайней мере, я так считаю. Операция прошла успешно, хотя у меня на душе остался от нее абсолютный негатив. Не буду описывать свои эмоции по данному вопросу, иначе загрузчу и впаду в ханжеские сентенции о противоборстве добра и зла, а таких возможностей в моём

повествовании и без того хватает в избытке.

После операции, я уговорил врача отпустить меня домой, пообещав, что буду аккуратно являться на больничные процедуры и строго соблюдать все его рекомендации. Дома все же и стены лечат, с чем мало кто не согласится, и я, оказавшись на свободе и преодолевая ограничения в движениях, стал быстро возвращаться к привычному образу жизни..

Катюшка была чрезвычайно довольна, когда я, с победоносным видом вернулся домой. И все бы хорошо, но прибыл-то я на костылях! И к радости дочери примешивалось нескрываемое чувство жалости. Но, что и говорить, её искреннее желание ухаживать за мной, исполнилось довольно быстро. И остаток времени до возвращения Татьяны, она очень старательно реализовывала сложный процесс заботы о страждущем. Вот уж не думал, что так быстро она сможет войти в роль заботливой нянечки, обслуживающей пусть и послушного, но все же такого большого (1м 89см) дядю. Утром она приносила мне чай и неумело нарезанные бутерброды с колбасой и сыром. Готовить она, конечно, еще не умела, но так искренне хотела мне помочь, что нам пришлось учиться этой, я бы сказал не простой науке вместе. В течение всех, выпавших на мою долю свободных дней, мы с удовольствием оттачивали кулинарное мастерство, – жарили картошку, варили макароны, а в финале превзошли самих себя, приготовив солянку! Которую, следует отметить, дочь моя испробовать отказалась. Зато сам процесс пригото-

ния пищи доставлял ей истинное наслаждение, мы действовали дружно и слаженно, как единый механизм!

Однако все когда-нибудь заканчивается, а потому подошла к концу и эта неделя нашего наладившегося проживания в тесной квартире. Завтра утром должна вернуться Татьяна, и Катерине суждено отправиться домой. Как и всегда в таких случаях, мне было немного грустно, а нынешняя ситуация усугублялась тем, что нога-то моя была все-таки сломана, и мне в любом случае предстояла довольно длительная реабилитация. Конечно, у меня накопилась уйма всевозможных бумажных дел, которые я вполне в состоянии решать, отсидевшись дома, причем до тех пор, пока не обрету прежнюю способность свободно передвигаться. Но вот кто принесет мне батон хлеба и пакет молока? Для меня и в этой простой задаче кроется немало сложностей. Значит, придется кого-то просить, а вот этого я никогда не любил. В своей жизни я привык рассчитывать только на свои силы и понятно, что данная ситуация сильно испортила мне настроение. Что, безусловно, не могла не заметить моя дочь.

– Пап, ты чего такой мрачный? – требовательно приступила она ко мне.

– Как это, мрачный? Тебе показалось, малыш, все нормально, – фальшиво беспечным голосом ответил я.

– Ну, да, конечно! – Катька скривилась. – Пап, давай, не будем! Что я по-твоему, слепая, что ли? Скажи лучше, в чем дело?

– Ну...– я в нерешительности замялся. – Просто неохота оставаться одному.

– Так и не надо одному! – обрадовалась Катя. – Мы с мамой заберем тебя к себе!

– Кать! Об этом не может быть и речи.

Катька насупилась и примолкла. Через некоторое время она рассудительно изрекла:

– А хорошо бы случилось так, что мама задержалась. Ну, по работе, например. Какие-нибудь неотложные дела. Я бы еще осталась с тобой, и ты бы не грустил.

Я был растроган до глубины души. Черт возьми, вот ради таких минут и стоит жить!

– Катёна, милая моя! Спасибо тебе великое. Но со мной правда все будет хорошо! Не переживай. А маме нужно домой, незачем ей там оставаться.

Настроение моё заметно улучшилось, я уже не задумывался над тем, как придется просить бабу Соню принести мне хлеба и молока. Кроме того, у меня еще остается мой верный Витёк, он-то никогда не откажется помочь. Да его и просить, думаю, не придется, он и по собственной воле сделает все, что нужно и в лучшем виде. Ну и, конечно же, Динка! Уж она-то точно не оставит меня без присмотра... Катюшка, похоже, даже немного ревновала, когда Дина отнимала у нее хлеб «мирских забот», но я во время начинал хитро капризничать и дочка искренне радовалась тому, что именно она может мне угодить.

Мы уже укладывались спать, когда зазвонил телефон.

– Стас! Стас, ты меня слышишь? – кричала в трубку Татьяна.

– Слышу, слышу! Зачем так кричать? У тебя все в порядке?

– Нет, Стас, все совсем не в порядке! – голос моей бывшей жены дрожал. – Тётя Алла умерла!

– Кто такая тётя... – всего на секунду я растерялся, но тут же до меня дошло: – Тётя Алла? Как умерла? Господи, помилуй! Почему?

Тётя Алла была родной сестрой Татьяниной матери и замечательнейшей женщиной. Она жила в Сочи, где у нее был небольшой уютный домик на берегу моря и когда-то давным-давно, на заре нашей совместной жизни, мы с Татьяной обожали отдыхать у нее. Она выделяла нам комнатку на втором этаже, который был скорее чердаком, чем полноценным этажом, но был там и уголок, обустроенный с таким вкусом и любовью, что я не променял бы его ни на какие хоромы в люксовом отеле. Можно сказать, что в этой комнатке прошли самые лучшие дни нашей недолгой совместной жизни. Там мы мечтали, строили планы, любили друг друга. Там была зачата наша единственная дочь. Тётя Алла старалась изо всех сил, чтобы нам у нее было хорошо. Вечерами, когда спадал южный зной, мы любили сидеть с ней на веранде, потягивать приготовленную по ее особому рецепту вишневую настойку и говорить о жизни, спорить о традиционно

сложном положении в стране, мечтать о лучшей доле. Детей у тёти Аллы никогда не было, ее муж трагически погиб через месяц после свадьбы и забыть его она так и не смогла. Она жила одна и обожала свою племянницу, а потом, как я смею надеяться, полюбила и меня. Она была резковата в суждениях, но искренняя и добрая женщина, и я ужасно расстроился, узнав о её смерти.

– Представляешь, insult! – всхлипнула Татьяна! – Мне позвонила соседка. В общем, я срочно вылетаю в Сочи. У тёти ведь ближе нас никого нет. Я вылетаю немедленно, надо заняться организацией похорон. Родителей эта новость просто подкосила, они смогут прилететь только на церемонию. Очень я за них переживаю! Не знаю, не могу сказать сколько времени займут все эти дела. Так что вы уж... ты там... как-нибудь сам с Катюшей... Всё это ужасно.

Я услышал, что она плачет, а потом связь оборвалась. То ли Татьяна сама отключилась, то ли что-то еще.

Вот так неожиданно снова сбылось то, чего больше всего на данный момент возжелала моя дочь. Нет, конечно, не смерть несчастной женщины имеется в виду, а именно отсрочка возвращения Татьяны. А вот под каким предлогом, – это уж как судьбе вольно было распорядиться. Или не судьбе? Но тогда я все еще по-прежнему ни о чем таком не задумывался и был абсолютно уверен, что именно судьба сыграла здесь свою роль. Мне было безумно жаль Аллу Сергеевну, и в тот вечер перед сном я долго сидел с Катюшей и

рассказывал ей о тетушке, о ее домике в Сочи и маленькой комнатухе. Говорил ей о том, какие мы с мамой были молодые, наивные, полные надежд и мечтаний. Я так увлекся, что совсем забыл, что рядом со мной всего лишь маленькая десятилетняя девочка, а я изливал ей свои чувства и переживания так, будто выслушивал меня опытный психоаналитик, а когда спохватился, то оказалось, что уже глубокая ночь и давно пора спать не только Катерине, но и мне тоже.

– Ох, Катёна, если бы мама знала, какой у нас тут с тобой режим, она никогда больше не оставила бы тебя со мной!

– Ну, вот еще! Мама любит, когда ты со мной! Она всегда говорит, что мне нужна твердая отцовская рука!

– Ну, ладно, давай спать, наш с тобой отпуск продлевается.

Я уже почти вышел из комнаты, когда меня догнал Катин вопрос:

– Пап, а почему ты ушел от нас?

Я застыл на пороге и не знал, что ответить.

– Кать, – наконец решился я, – это долгий разговор, а сейчас уже поздно. Давай поговорим как-нибудь в другой раз.

– Вот всегда вы так, взрослые! – в голосе моей дочери сквозило раздражение. – Как вам что-нибудь надо, – я взрослая, а как вопрос каверзный задам, – еще маленькая! Ладно, я поняла. Не хочешь, – не говори!

Прежде, чем продолжить свое повествование, я бы хотел

немного рассказать о своей дочери, поскольку в этой истории она сыграла отнюдь не последнюю роль. Даже не то, что бы просто рассказать о ней, она, мой нежно любимый человек, естественно, будет сопровождать меня в процессе всей истории, да вот только те переживания, которые таились в маленьком дочкином сердце я смог оценить гораздо позже, после того, как все это произошло.

Она очень переживала из-за нашего разрыва с Татьяной. Не могу утверждать категорически, что дети преувеличивают собственную тоску и одиночество, которые овладевают ими в моменты расставания родителей. Всякое бывает, но и я знаком с этой ситуацией не понаслышке, испробовал, так сказать, на себе.

Мне в своей жизни тоже пришлось пережить развод самых близких для меня людей. К тому времени я, по правде говоря, был гораздо старше Кати, к тому же, хоть и юн, но мужчина. Мои эмоции и переживания, безусловно, отличны от женских, сколько бы лет не было этим женщинам. Да, я не устраивал скандалы, не говорил, что не хочу делить родителей. Но я и не скрывал своего негатива. В конце концов, я старался быть самостоятельным уже с того времени, как помню себя. Естественно, мне, как любому ребенку, хотелось чувствовать ласку и заботу и папы и мамы. Это же нормальный инстинкт живого существа. Но я по природе был довольно скрытным ребенком. А может быть, сказалось спартанское воспитание отца, – военного летчика. Сдержанного

и отчасти скупого на эмоции мужчины. Вероятно, поэтому и мама стойко приняла решение о разводе и меня образно говоря «поставили перед фактом».

– Стас, – сказала мама, – к сожалению, в жизни порой случаются такие ситуации, когда люди, родные и любимые для тебя, вынуждены идти разными дорогами, каждый своей. Не обошло подобное и нас. Это не означает, что тебя будут меньше любить. Наоборот, можешь обыграть сложившуюся ситуацию в свою пользу. У тебя будет более разнообразное общение с родителями. У тебя будет два дома. Подарков будет в два раза больше. В общем, наше расставание с отцом, может доставить тебе массу положительных эмоций. Мы будем заботиться о тебе в два раза больше.

Можно подумать, мне чрезвычайно необходима была их забота. Это в пятнадцать-то лет. Но мама, скорее всего, не нашла других слов, и я до сих пор благодарен ей за лояльно поданную информацию.

С Татьяной мы разводились более эмоционально. Я просто устал от беспросветного, серого однообразия. Мы прожили вместе семь лет. Я долго пытался убедить себя, что мое мрачное настроение временно. Что вот сейчас закончится сложный период на работе и все нормализуется, а придет время, развеется и осенняя депрессия. И так до бесконечности. А потом мне стало казаться, что вся эта тягомотина началась с периодических приступов равнодушия у Татьяны, и каждый раз я терпеливо ждал их завершения. Единствен-

ной отдушиной во всем этом была Катерина. Она росла веселым, искренним и добрым ребенком. И уж, конечно, мы никогда не шантажировали друг друга отношением к дочери. Поэтому, когда я пришел к заключению, что затяжные периоды скуки пройти не могут, что это клинический диагноз наших отношений, как выразилась однажды Татьяна на медицинском языке, я принял решение и объявил о нем жене. Я не был жесток. И сообщил о нем, как мне показалось, даже несколько галантно. Я пригласил Татьяну в ресторан, подарил букет цветов и объявил, о том, что хочу пожить отдельно. Кто бы видел реакцию моей жены! Принятое мной решение было для нее совершенно неожиданным, она пришла в настоящее замешательство, потому как ни о чем подобном она даже и помыслить не могла. Её вполне устраивали наши отношения, она, оказывается, была чрезвычайно довольна спокойной размеренностью нашего существования. Правда, были еще и её конференции и мои командировки... семьи же, в моем понимании, давно уже не было, а вот ее всё это очень даже устраивало. Мы не лезли друг другу в души, мы мирно существовали на разных берегах реки. Река была одна, а берег у каждого свой. И единственным связующим мостом была наша единственная дочь. Поэтому после недели невыносимого кошмара, Татьянинных истерик и слез, безрезультатных попыток выяснения отношений, мы обоюдно приняли решение о расставании. Нет-нет, да и приходила мне на память ситуация с разводом моих родителей, да только поль-

зы от тех воспоминаний не было никакой, поскольку до их уровня объяснений мы не дотягивали, а дипломатическими способностями мы с Татьяной, как выяснилось, не обладали.

Мы старались объяснить Катюше, что так ей будет лучше, как когда-то должно было лучше стать мне. Что она не будет видеть наших насупленных лиц, что праздники останутся самыми любимыми днями для Кати, что мы никогда не подведем ее и я, хотя и отдаляющийся субъект, но все равно всегда буду рядом. Что, вполне возможно мы еще немного подумаем, а там все и наладится. Но мы не будем торопить события, и всем нам дается испытательный срок. В общем, мы не готовились к каким-то особым речам, и, скорее всего, зря. Катерину, после всего высказанного, забила мелкая дрожь. Слезы брызнули из огромных глаз, и она заперлась в детской. Я растерялся, Татьяна начала суетиться и обвинять меня в жестокости. Получился какой-то нелепый кавардак. Без особой на то надежды, я зашел к Катюшке в комнату и попытался произнести какие-то добрые слова утешения. Я и сейчас, по прошествии многих лет, не знаю, как надо было правильно выстроить тот монолог. Одно вот только сейчас понимаю, что, высказывая свои глупые слова самооправдания, я был непозволительно жесток с шестилетним ребенком. После того холодного вечера, Катюша не разговаривала с нами два дня.

Я был откровенно честен с Татьяной. Да просто пытался объяснить ей, что чувства, связывающие нас в начале семей-

ной дороги, уже давно испарились. Что жертвовать ради детей собственной свободой не стоит. Я же не уходил к другой женщине. Просто уж так получилось, что перестал любить свою жену. А Катерина, получив информацию о нашем расставании, приняла ее как предательство. Она, моя маленькая принцесса, не увидела ничего положительного в нашей правде. Конечно, это же была жизнь и честность, которую могли оценить взрослые, но никак не маленькая принцесса. Со временем, она смирилась с новой ситуацией, поняла, что её не стали меньше любить. Но ей было одиноко с нами, с бесконечными Татьянинными конференциями и с моими командировками. Ей нужна была семья, пусть даже с нашими кислыми лицами, с нашим обоюдным равнодушием. Ей нужен был наш тройственный союз. Папа, мама и Она, – главный член нашей семьи. Она долго привыкала к нашему разъезду по разным квартирам, к тому, что родители ее развелись. Она долгими вечерами роняла в подушку горькие слезы, замыкалась в школе, когда одноклассники рассказывали о своих семьях. А мы даже не догадывались, каково было нашей девочке. Мы гордо несли свои статусы взрослых и ответственных людей, и не осознавали, из чего складывается понятие «ответственность».

А Катюшка росла, и вместе с ней росла её детская тоска. Она понимала, что все испытательные сроки наших с Таней отношений уже давно закончилась, что возврата к прежней единой семье уже не будет, а нам с Татьяной даже не при-

ходило в голову, что душевные мучения не покидают нашу любимую дочь. Мы устраивали ей веселые и шумные праздники, мы обожали ее, но после мнимого возврата в прошлое, ей становилось еще тяжелее. Да, в конце концов она приняла наш разрыв. Но, как оказалось, даже мысли не допускала, что в нашей личной жизни могут появиться «посторонние» персонажи. Все же в психологии мы были полные профаны.

Вот так мы и жили все трое в зыбкой иллюзии полного комфорта и удобства.

Итак, мы с Катериной продолжили наслаждаться отпущенной нам короткой свободой общения. Она ходила в школу, я, как натуральный инвалид, оставался дома, включал компьютер, интернет, раскладывал бумаги и с головой погружался в работу. Дел было столько, что я не замечал времени наступления обеда и спохватывался только тогда, когда раздавался звонок в дверь. Катерина влетала в квартиру, подобно вихрю, взхлеб рассказывала последние школьные новости: «У Витальки родился братишка... У Юльки новый «Гейм-Бой»... Наташка поссорилась с Кириной...» Я слушал, старался вникать, попутно чистил и жарил картошку, резал салат, варил сосиски. Катька переодевалась и продолжала из комнаты выдавать новости, и я вдруг осознал, что нарезаю хлеб с глупейшей и счастливейшей улыбкой на лице. Верно ведь говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло!

– Ты чего улыбаешься? – я и не заметил, как Катя вошла на кухню.

– А чего не улыбаться? Все так хорошо!

– Ага! Очень! Особенно сломанная нога.

– Ну, нога! Что нога! Нога срстется! А вот мне с тобой так хорошо, что я чувствую себя абсолютно счастливым человеком.

Катя тоже заулыбалась, и в состоянии трогательной идиллии прошел наш скромный обед. Потом она отправилась делать уроки, а я снова углубился в работу, от которой меня оторвал телефонный звонок.

– Ну, ты как, инвалид? – я узнал голос Дины.

– Нормально. Работаю, как вол.

– Работает он! Пользуясь случаем, мог бы и отдохнуть! А то даже дома не находишь себе покоя!

– Да, ты что! Как раз наоборот! У меня полнейший покой!

– Ну, тогда пора внести частичку хаоса в твою жизнь. Я забегу через пару часов, надо навестить инвалида.

– С нетерпением буду ждать, – я расплылся в улыбке.

Все-таки есть в моей ситуации положительные моменты!

Неожиданное признание

Дина появилась гораздо раньше, не прошло и часа. Мы как раз собирались пить чай, когда раздался звонок в дверь. На пороге стояла моя подруга с бутылкой своего любимого джина «Биффитер».

– Вот это да! – воскликнул я, – А разве больным принято приносить крепкие спиртные напитки? Я думал, исключительно апельсины и цветы.

– Перебьешься! – Дина даже не улыбнулась. – А напиток не тебе, а мне.

– Та-а-ак, – протянул я, – Кажется, опять Доктор шалит.

– В точку! – лаконично заметила Дина, снимая туфли и надевая тапочки для гостей.

Она не стала задерживаться в прихожей и сразу прошла на кухню, а я неуклюже заковылял за ней.

– Привет, Катёна! – при виде моей дочери лицо Дины преобразилось, на губах заиграла улыбка, которая так была ей к лицу.

– Привет, Дина! – радостно откликнулась Катерина. – А мы чай как раз собирались пить. Будешь?

– Обязательно! И чай, и все остальное...

В присутствии моей дочери Дина никак не выдавала своего настроения, была весела, остроумна, рассказывала всякие истории и изрядно смешила и Катю и меня. То, что с ней что-

то происходит, можно было увидеть лишь по глазам, которые, несмотря на весь ее смех и бесшабашность, оставались грустными. Я понял, что она ждет, когда Кате придет время укладываться спать, и тогда выплеснет на меня все свои переживания, как это бывало всегда. Но Катя не спешила удалиться, и, спустя какое-то время, мне пришлось ей намекнуть, что пора бы и «честь знать».

– Катёна, а ты все уроки сделала?

– Все, все. Ну, Дин, и что же было дальше?

Дина рассказывала об одной своей суеверной сотруднице, которая всегда сворачивала с пути, если ей перебежала дорогу черная кошка, была уверена в скорых неприятностях, если встречала кого-нибудь с пустыми ведрами, возвращаясь, всегда долго смотрелась в зеркало и т.д. и т.п.

– А я верю в волшебство, – вдруг совершенно серьезно сказала моя дочь.

– Ну, при чем тут волшебство, – возразила Дина, – Это обычные суеверия. Волшебство, – это Дед Мороз. В Деда Мороза ты веришь?

– В Деда Мороза – нет, но в другое волшебство верю.

– В какое другое? – не унималась моя подруга.

– Ну..., – Катя, казалось, замешкалась. – В другое.

– Ладно, – прервал я их странный спор, – пора умываться и спать! Уже поздно, давай, Катерина, а то завтра не встанешь!

Катя нехотя поднялась из-за стола и поплелась в ванную

комнату.

Спустя четверть часа, поцеловав ребенка в щеку и заботливо подоткнув ей одеяло, я, наконец-то, вернулся на кухню и оказался с Диной один на один.

– Ну, теперь, давай, рассказывай!

– А, – махнула она рукой, – что тут рассказывать... Давай-ка я уберу со стола и нальем себе достойный напиток. И покрепче. А говорить, собственно, и не о чем. Просто моей «счастливой» семейной жизни пришел конец.

– Как это? – я был так изумлен, что, кажется, даже открыл рот.

– А вот так. Сегодня мне на телефон пришла эсмэска от моего мужа. Только предназначена она была не мне. Он посылал ее своей любовнице, но отправил по ошибке мне.

Вот тебе раз! Я, конечно, знал, что Серега был тем еще ловеласом, но полагал, что он соблюдает определенную осторожность. Новость была совершенно неожиданной, и я взял тайм-аут, уставившись в окно. Динка уверенно перемещалась по кухне, вытаскивая стаканы и что-то выкладывая на тарелку. Да... несмотря на то, что напитки мы стали пить заграничные, издревле прижившаяся привычка закусывать пока еще сохранялась. И Бог с ним, что на Западе это посчиталось бы моветоном, мы в России и у нас свои заморочки! Поэтому, что может быть лучше соленых огурцов и ломтей аппетитной колбаски! Сформировав из попавшегося под руку съестного объемистую горку на тарелке и поместив ее в

центр стола, Дина подвинула ко мне бутылку. Я налил два стакана джина. Придется и мне, инвалиду, быть на уровне, разговор предстоит не легкий.

– Дин, – попытался я успокоить подругу, – ну, может, ты ошибаешься? Ситуация-то абсурдна сама по себе. Ты у него спросила?

– А что тут спрашивать? В любом случае, ответ мне не понравится.

– Почему?

– Ну, потому что он либо скажет, что да, так и есть, он ошибся адресатом. И это убьет меня. Либо начнет юлить и говорить, что ничего не посылал, но то, что это явная ложь, будет даже и ежу понятно. Таких косяков у мобильной связи не бывает.

– Да перестань! Косяки бывают у всех, а у мобильной связи тем более. Это я тебе говорю, как опытный ай-пишник! – я попытался пошутить, но, глянув на нее, понял, что здесь это не прокатит.

– И что же теперь? – нерешительно спросил я.

– А что теперь? Разведусь. Мне же не впервой! Стану свободной, счастливой, одинокой женщиной, открытой для новой стрелы Амура!

– Дин! – я не унимался, считая своим долгом не дать затонуть их семейной лодке. Эта привычка вырабатывалась во мне с годами. Именно этого моя подруга всегда ждала от меня, и я никогда не разочаровывал её. – Послушай, ну, у тво-

его Сереги непростая работа, он хороший хирург, к тому же не простой, а пластический. Он всегда имеет дело с безумными истеричными дамочками, которые стремятся довести до идеала собственное обличие или хотят сохранить то, что от него осталось. Ты же сама хорошо знаешь, кто чаще всего прибегает к услугам пластических хирургов. Нервные жены богатых мужиков, молодость у которых уходит, а значит, вполне вероятно, что уйдет и муж. Они пытаются доказать самим себе, что еще не все потеряно, что у них еще сохранились их прежние чары, что они кому то еще могут нравиться. И испытывают это на Сереге. А он ведь врач! Он отчасти еще и психолог, может так нужно в данной конкретной ситуации.

– Стас, – Дина грустно улыбнулась. – Ты хороший друг. Даже очень хороший. Нет, ты даже больше, чем друг. Но сейчас ты пытаешься меня успокоить, хотя и сам не веришь в то, что говоришь. Ну, сознайся, что не веришь. И не смей мне врать!

К такому повороту событий я не был готов, я знал, что мне, во что бы то ни стало, нужно ее успокоить, приободрить, вернуть уверенность в себе, а уж как я это сделаю, – не так уж и важно! И ведь мне всегда это удавалось, она всегда давала себя уговорить. Но сегодня все шло не по сценарию. Мое замешательство она расценила, как ответ.

– Знаешь, – как-то отрешенно сказала она, – Мне надоело придумывать ему оправдания. Мне надоели эти, как ты их назвал, истеричные богатенькие дамочки, звонящие на мо-

бильный моему мужу и днем и ночью. Мне надоело что-то додумывать, представлять, подозревать. Я становлюсь параноиком. Мне все надоело. Я вдруг поняла, что теряю себя, медленно разрушаю изнутри постоянными подозрениями. Я помимо своей воли начинаю в каждом звонке подозревать измену. Ведь, ладно бы это было в первый раз, но нет же! Его не изменить. Стас, если я не положу этому конец, меня просто не станет, я сама себя сожру. А я ведь еще молодая, умная, красивая женщина. Я хочу, чтобы меня любили и желали, а не рассеянно чмокали в нос перед сном и отворачивались к стене! Пусть это станет моим очередным разводом, но я знаю, что еще буду счастлива!

Дина произнесла свой монолог с нескрываемой горечью. Я влил в себя из стакана остатки джина, и к собственному удивлению меня вдруг, что называется, «понесло».

– Диночка! – отставив в сторону пустой стакан, выдохнул я, – вижу, ты настроена весьма решительно. Хорошо! Пусть так оно и есть! Но, раз уж дело так повернулось, то не позволишь ли ты мне стать первым в очереди?

– В смысле? – удивленно вскинув брови, спросила Дина.

– Ну, в смысле, можешь ли разрешить мне стать первым, кто выпустит стрелу любви в твою сторону в попытке завоевать твое сердце. – Никогда не думал, что смогу говорить таким высоким слогом. – Отвечай откровенно, или другу не позволятся любить?

Выдал и сам себе удивился. Мало того, еще и смутился,

как невинный отрок. Господи, да что за чушь я несу!

Воцарилось молчание, которое через некоторое время нарушила моя подруга.

– Стас, ты спятил? Что это зна... – и в этот момент её лицо озарило понимание. – О, Боже! – только и смогла вымолвить она.

– Дин, ты что, хочешь сказать, что все эти годы даже не догадывалась...? – я был поражен не меньше её.

И тут, вдруг, в прихожей что-то упало с гулким грохотом. Динка, как ошпаренная, подхватила со своего стула и бросилась на звук, а я неуклюже привстал на костылях и, подобно страусу, вытянул шею, чтобы увидеть хоть краем глаза, что там такое стряслось. В коридоре стояла моя дочь, взлохмаченная, в пижаме, а рядом валялись осколки старинной греческой амфоры, которую родители еще в моем далеком детстве привезли из Греции. Ваза давно мне мешала, как-то не вписывалась в интерьер, я переставлял ее с места на место и пристроил в конечном итоге здесь, в углу коридора. Как видно, не ошибся.

– Катя, что ты здесь делаешь? – удивленно спросил я.

– Ничего, – со злостью ответила мне дочь и гордой походкой удалилась в свою комнату.

– О, Господи, Стас! – тревожным шепотом прошелестела Дина, – она что, все слышала?

– Откуда же мне знать, – пожал я плечами, – в скверной привычке подслушивать я ее не замечал.

– Ладно, я, пожалуй, пойду, уже поздно, – Дина начала судорожно натягивать плащ, и все никак не могла попасть в рукава. – Завтра поговорим. Давай, береги ногу, много не ходи, больше покоя, я тебе завтра позвоню.

Она тараторила без умолку, пока за ней не захлопнулись двери лифта и не позволила мне произнести ни слова. Господи, какой же я идиот! Ну, разве так я представлял себе этот долгожданный момент признания?! Сколько раз в своих мечтах я мысленно произносил ей такой потрясающий монолог, после которого она, опять же в моих мечтах, со слезами умиления и любви, падала в мои объятия! А что вышло? Я напугал ее! Брякнул про какого-то метателя стрелы, даже не дал ей времени отойти от предательства мужа. Идиот! А все Катька! Ну, что она там забыла, в этом коридоре.

Я проковылял в комнату дочери, она лежала под одеялом и не шевелилась, я склонился над ней и увидел, что ее глаза широко открыты и смотрят прямо на меня.

– Кать, – шепотом сказал я, – ну, в чем дело?

– Пап, – так же шепотом ответила она, – это правда?

– Что, правда?

– Ну... то, что ты... в общем, насчет Дины?

– Кать, послушай, – я разогнулся и, не зная, что и сказать, откашлялся. – Кать, ты еще маленькая, мы с тобой поговорим об этом как-нибудь потом, когда ты повзрослеешь.

Повисла гнетущая тишина. Я еще немного постоял, потом нерешительно пожелал дочери спокойной ночи и направился

к двери. Уже закрывая ее я услышал голос Кати :
– Ненавижу твою Дину!

Я вернулся на кухню, налил в стакан немалую порцию джина и, ни с чем его не смешивая, залпом выпил до дна. Секунду поколебался, а затем повторил. Жаль, никакого эффекта от выпитого не последовало. Не было приятного затуманивания мозгов, шума в голове, тумана перед глазами. Знать, было суждено остаться в этот вечер абсолютно трезвым. Что оставалось делать? Я побрел в свою в комнату в надежде, что вот сейчас, как только завалюсь на кровать, так сразу же и усну, ну, а утром, глядишь, все и образуется. Хорошо бы, да только сна не было.

Я сел за письменный стол и рассеянно уставился на фотоснимок, стоящий передо мной. Катька в возрасте шести лет на ромашковом поле. Вся в окружении ромашек, сама как нежный цветок. Моя любимая фотография. Когда у нас еще была семья, мы выдумали собственную традицию. Ежегодно, летом, начиная с самого первого дня Катерининового рождения, мы втроем, садились в машину и уезжали за город. Искали приглянувшееся ромашковое поле. Татьяна и я, поочередно делали фотографии нашей любимой девочки среди настоящего моря этих ярких цветов. Потом выбирали лучший кадр и делали портрет в рамке. Таких снимков насчитывалось ровно шесть. Вот эта фотография была последней из «традиционной» серии. Дальше последовал развод и «на-

ше общее» дело прекратило своё существование.

При взгляде на портрет Катерины, в моей голове отчетливо всплыл тот момент, когда я вдруг осознал, что наша тихая семейная жизнь с Татьяной пришла к своему логическому завершению.

Я вспомнил, как несколько лет назад, еще пребывая в узах брака, точно также сидел поздним вечером и разглядывал фотографии в семейном альбоме. Татьяна была в отъезде и мы с Катюшей ждали ее возвращения из Кёльна, где проходила крупнейшая выставка стоматологической техники. Ждали, ждали, и один из бойцов не дождался. Дабы уйти в тот нескончаемый вечер от унылого одиночества, я и ухватился за «эти воспоминания о прошлом», – за фотоальбом.

Я листал его, и сердце сжималось. Я вглядывался в наши юные лица, еще абсолютно не обремененные существованием в семейных узах. Я веселился в чебуречной на Сретенке с друзьями, Танюшка разжигала костер в лагере на Белом море. Мы вели отдельную, счастливую, ни к чему не обязывающую жизнь. А потом пошли снимки ее брата Кольки, моих друзей, её подруг, а вслед за тем фотографии нашей свадьбы. До меня вдруг дошло, что ничего до нашей свадьбы нас и не связывало. Свадьба, белое платье, недоуменно счастливые лица. Именно недоуменные! И только сейчас я понял почему. Все объяснялось просто, мы изначально не понимали, зачем связываем свои судьбы. Не было в этой связи ни интриги, ни смысла. Была только юношеская романтика. Ис-

тории не было. А вот Динка была со мной всегда. Была рядом на всех школьных тусовках, на институтских вечеринках, в походах и просто на прогулках по городу, а Тани не было... Только на свадьбе. Где же я взял этот фантом своей жизни? Где?

Беспредельная пустота поселилась в моём сердце после осознания этой простой истины. Зябкие мурашки пробежали по коже. А как же Катерина, плод семейного счастья и нашей любви? Нет, всё не так. Катерина, моя единственная дочь, – это божий дар. Мы просто играли в семью и брак, не строили далеко идущих планов, жили и жили, дружили и создавали иллюзию семьи. Вот за наши наивные чувства, нам и был послан дар Божий.

Катюшкины фотографии были бесподобны! Я даже не думал, что по прошествии стольких лет, могу умиляться этому крошечному «инопланетянину». Нам месяц, абсолютно лысая головка, на ней вычурная резиночка с бантом. Не знаю, как правильно называется сие украшение, но оно очень подходит к ее милой мордашке. Надо же одеть эту «игрушечную» куклу в платье. Действительная реальность уже не соответствует этим младенческим фотографам. Катерина, реальный подарок судьбы, который с каждым годом приобретает лучшие очертания и исключительную разумность. Мне, конечно, как любящему отцу, простятся такие сравнения. И в тот момент просмотра фотографий я реально ощутил, что я нашёл и что потерял.

У меня есть прекрасная дочь, но я абсолютно лишен любви к женщине, которая мне её подарила.

Я рассматривал фотографии и чем больше смотрел, тем больше отдалялся от реальной Тани, осознавая бесконечную любовь к дочери и... понимая, что близким человеком, который постоянно присутствовал в моей жизни, была Динка. Вот мама у нее, конечно, с этой ЛЬДиной отличилось. Слава Богу, что нам ума хватило, не исковеркать имя нашей дочки. Полный бред!

И правда, чем больше я вникал в историю собственной жизни, тем больше понимал, кто занимает в моем сердце особое место. Ну, дочь, – это неоспоримый факт. А Дина? Я действительно любил ее всю жизнь. Любил как друга. Как близкого человека. Как желанную женщину. Я всегда таил эти чувства в глубине своего сердца, и только что, в этом угрюмом одиночестве, в пустой квартире, где спит моя дочка, просматривая старые запылившиеся альбомы... понял, кто и насколько мне дорог.

Чувство приобретения и потери, удачи и неумения построить свой личный «песочный» замок переполняли моё сердце.

Чёрт дернул меня смотреть фотографии... и эта тишина. В замочной скважине повернулся ключ. Наконец-то приехала Татьяна. Я положил фотоальбом на место и вышел ей навстречу. Я больше не хотел называть ее Танюшкой и спрашивать о проведенном времени. Всё пережитое раньше,

естественно кроме дочери, потеряло смысл. А, скорее всего – смысла и не было.

Татьяна уставшим голосом поздоровалась, без эмоций, без улыбок. Впрочем, как всегда отрешенно.

– Чего не спишь? Есть ли «cibus»¹, – бросила она, скидывая обувь и устремляясь на кухню.

Может, я упал с Марса? Скорее всего, нет, но я не понимаю этого языка. Пожалуй, поеду к маме. Для оправдания выдумую срочную работу.

Я сообщил Татьяне о своем отъезде, сказал, что не могу уснуть и посетую родные пенаты. Она не удивилась, не разозлилась и не расстроилась. Все было как всегда, пресно и скучно. Я получил одобрение, но с ироничными высказываниями в адрес моих родственников. Разнервничался и в два часа ночи поехал домой.

Приехав, достал из серванта бутылку «Хэннеси» и плеснул в бокал янтарной жидкости. Рюмка коньяка, и ты начинаешь воспринимать мир абсолютно по-другому, нежели твои оппоненты. Я не позиционирую пьянство, просто констатирую факт того, что люди перестают стесняться своих комплексов и начинают выплескивать наружу свои искренние мысли. Мысли эти отчасти непредсказуемы, даже в большинстве случаях. Вот вам пример:

¹ **cibus, i m** – еда, пища, корм (levis CC, PJ; gravis C; acer, mollis CC): cibum sumere *Nep, Just* (capere *Ter, PM*) принимать пищу, есть; homo multi cibi C человек, любящий покушать.

Вы живете с человеком уже много лет, вы научились общаться с ним и не провоцировать ссоры, можете предполагать, как сложится разговор, когда вы захотите выяснить отношения, вы знаете его мнение о собственных друзьях и родственниках, НО, – это все вам лишь кажется. Вы считаете ваши мысли идеально правильными, но ваш спутник вдруг рушит все стереотипы в отношении построенной вами лично «теории относительности» к вашему общему окружению.

В общем, в очередной раз вас посещает разочарование, вы начинаете тихо ненавидеть всю эту недосказанность и непонятность, как человек старающийся преуспеть в рассудительности, вы пытаетесь, не провоцируя конфликта, разъяснить сложившуюся недоговоренность. Иллюзия – все же это завораживающе неадекватное представление о реальности жизни, преимущественно неосознанное и не поддающееся произвольной коррекции чувство. И что же? Как же дальше? Вот именно тогда-то ты и теряешь очередную грань собственного авторитета, и при этом твои чувства исключительно оголены. Как же «он», человек, с которым ты прожил столько лет, относится именно к тебе? Боготворит, – точно нет, любит или мило уважает, принимает твою доброту, существует рядом ради комфорта или принимает игру в семью по общепринятым канонам? Почему-то всё перечисленное абсолютно не вписывается в нарисованную собственным «Я» историю. Хочется всего и сразу, – как в сказке! Но ведь это только в сказке из лягушки возникает девица неписан-

ной красоты.

Татьянин образ полностью вытеснен из моего сознания. Абсолютная пустота в душе. Одна картинка заменяется другой. Всплывает изображение Динки с её очаровательной улыбкой. Вот все и встало на свои места. Господи, какой же я все-таки идиот! Я же люблю её всю жизнь, и прячу эти чувства глубоко в своем сердце, маскируя тайну призрачным браком.

После этого вечера я и принял решение о разводе.

Утром наверняка придется как-то оправдываться перед Катёной. Все же стресс ребенок испытал изрядный. Отец признается в любви своей подруге, и Катерине это явно не понравилось. Она наверняка все еще видела нас с мамой вместе. Заглушая неприятные воспоминания, я все-таки уснул.

Проснулся лишь благодаря будильнику, который судорожно верещал у меня над ухом. Встать было тяжело, алкоголь, нервное напряжение сделали свое дело. Заглушив скандальный призыв к пробуждению, я встал и поковылял в ванную. До подъема Катюшки оставалось еще полчаса, но проходя мимо кухни, я увидел дочь полностью одетую, сидящую напротив окна. К сердцу она прижимала свою куклу Вуду. Она как будто что-то шептала ей, но я ничего не слышал. Катя слишком тихо разговаривала с Бакой, да и сон еще не полностью отпустил меня.

– Катёна, доброе утро. Ты чего это поднялась так рано? – спросил я удивленно. В практике моей дочери столь ранних самостоятельных подъемов не было никогда.

– Привет, пап. – ответила Катерина. – Нам с Бакой не спалось, мы решили встать и бодро встретить этот день. У нас с ним много планов.

Катерина говорила так, будто и не было вчерашней обиды. Не стал возвращаться к вечерним событиям и я. Не буди лихо, пока оно тихо. Наверное, Катюшка подумала и приняла решение, что ничего страшного в случившемся нет. Ведь она знает Динку с пелёнок и очень её любит. И вчерашний выкрик о ненависти был всего лишь проявлением неконтролируемых эмоций. Как же хорошо!

– Отлично Катюшка! Поделишься планами за завтраком? Я быстро умоюсь и присоединюсь к вам.

Умывшись холодной водой, я окончательно стряхнул сонную негу. Молодец Катя, мне не пришлось выкручиваться, и настроение стало просто прекрасным.

Я поспешил на кухню. Спешить, конечно, у меня не очень получалось. Одна моя нога и два металлических костыля никак не выстраивались в нужной комбинации. Все же две ноги взаимодействуют более гармонично. Времени прошло всего ничего, но я уже с растущим нетерпением поджидал того момента, когда смогу безболезненно наступить на сломанную ногу, все-таки меня не покидала уверенность, что я скорыми темпами иду на поправку.

Катя пересела в угол кухни, где было ее любимое место. Страшноватая кукла везде сопровождала её и сейчас при-
мостилась на столе по левую руку дочки. Платок мой, повязанный на шее страшилища, уже изрядно замусолился, и я предложил Катерине его хотя бы немного освежить.

– Давай постираем одеяние твоего друга.

– Нет, не надо. Его все устраивает, – лаконично ответила мне дочь.

Катюшка была немногословна, и это озадачило меня.

– Отлично, вы не разрабатывали с ним, забыл как зовут твое страшилище, варианты завтрака?

– Он не страшилище, зовут его Бака. Он волшебное создание. Пап, пожалуйста, перестань его обижать.

Так, надо менять тему, а то с этой чёртовой игрушкой я опять доведу её до слёз.

– Так, о'кей, извини. Вы с Бакой еще не думали над тем, что вы хотите отведать на завтрак? Можно пожарить яичницу или омлет. Можно сделать бутерброды с паштетом. Со-
сиски и колбасу мы с тетей Диной вчера съели, – констатировал я состоявшийся факт.

Катины глаза на минуту вспыхнули. Промелькнула какая-то искорка негодования, и она посмотрела на Баку. Мгновение, – и все прошло. Ах, я, старый дурак, думать же надо о чем говоришь! Надо же было так забыться и ляпнуть Катюшке про Динку. Ох, как бы разобраться теперь с главными женщинами в моей жизни!

– Я буду омлет и бутерброд. Ты, пап, готовь омлет, а я буду делать бутерброды. Это у меня лучше получится. Я буду пить чай, и если тебя не затруднит, сделай Баке чашечку кофе, – дипломатично заявил мой ребенок.

На этот раз я абсолютно не сопротивлялся. Все же решил занять не провоцирующую позицию. Кофе Баке, да ради Бога. Что, убудет, что ли от меня или от кофе?

Только мы позавтракали, как раздался звонок домофона. Это Виктор приехал за Катериной, чтобы отвезти ее в школу. Я чмокнул дочь в щеку, пожелал доброго дня и пообещал хорошо себя вести.

Дверь захлопнулась, а я ощутил себя полным кретином, вновь и вновь переживая разговор с дочерью. Катюха была на высоте, а я опять дал маху. Буду рассчитывать на то, что школа ее полностью отвлечет.

День шел своим чередом. Я принял таблетки, посмотрел новости и решил засесть за работу, однако последняя выполнялась медленно и неохотно. Юридическая терминология контрактов совершенно не укладывалась в голове, в ней сидело только мое откровенное признание, которое я скоропалительно выложил Дине. А ведь Динка обещала мне позвонить, и я с нетерпением ждал этого звонка. Я даже старался не занимать телефон, спешно заканчивая разговоры с офисом. И, прежде всего, не преминул сказать, что на этой неделе обязательно выберусь туда, все равно ведь придется поехать на перевязку, так что можно будет соединить полез-

ное с приятным, и тогда сформируем план работы на ближайшее время. Тяжкая травма ноги свалилась неожиданно, и теперь многие дела приходилось перекраивать на скорую руку.

Раздался звонок.

– Алло.

– Привет герой-любовник. Как самочувствие? – пропела на другом конце трубки Дина. – У меня все нормально. Дома полная тишина. Как Катюшка?

– Ты знаешь, она у меня золото. Утро было замечательное. Мы мило позавтракали. Продолжения вчерашнего не последовало. Так, что все о'кей, – бодро ответил я. – Спасибо, что позвонила. Какие у тебя планы на вечер? Нет ли желания посетить нашу скромную обитель? Все же, я считаю, что нам надо завершить разговор. Извини за настойчивость.

– Стас. Ну, ты с ума, что ли сошел? Какой еще разговор? Тем более дома. Дома же Катюшка, ну, зачем травмировать ребенка, ты же видел вчера ее реакцию. Отложим нашу беседу до лучших времен, нам некуда спешить. Пусть страсти поулягутся.

– Дин, я ждал этого момента ни год и ни два. Раз уж мы начали этот разговор, давай, по крайней мере, его продолжим. Я не требую от тебя какого-то поспешного решения. Но мы обязательно должны с тобой поговорить. Насчет дома ты права, давай пересечемся вечером в центре. У тебя есть какие-нибудь пожелания? – Я был достаточно настойчив в

своём намерении увидеть Дину вечером. Не хочу ничего откладывать, потому что и так ждал слишком долго. Катерина прекрасно проведет время с бабой Соней, старушка будет рада оказать мне помощь и пообщаться с ребенком. Закажу такси. Ну, не совсем же я калека, чтобы быть не в состоянии встретиться с любимой женщиной! Да и Катюша тоже отвлечётся, а то будет смотреть на мою кислую физиономию и вспоминать о случившемся.

– Стас, не надо спешить. Мы обязательно найдем время и пообщаемся. Куда ты со своими костылями собираешься? Сиди дома, налаживай отношения с дочерью. Вам всегда не хватает времени на общение, – пыталась вразумить меня Дина.

– Нет Дин, если ты сейчас откажешь мне, я сделаю определенные выводы, а они могут пагубно отразиться на моём самочувствии. Поверь, Катерина в порядке, она разумный человек и уже достаточно взрослая, чтобы адекватно принять ситуацию, – продолжал настаивать я. – Давай, на Сретенке, как в старые добрые времена? В чебуречную, конечно, не пойдем, но давай ходим в тот прекрасный ресторан «True Wishes». Там довольно уютно и нет отвлекающего шума. Я подъеду к восьми часам. Сжался, Снежная Королева! – это был последний аргумент в моём арсенале. Я был уверен, что Динина крепость дрогнет.

– Ох, мошенник. Напомнил мне о прошлом. Хорошо. А ресторанчик-то специально с таким названием вспомнил, –

«Истинные желания»? Хитрец! Договорились. В восемь на Сретенке. Только будь любезен, с Катей реши все по-человечески. Ежели будут изменения в программе, звони. Целую! – подвела она итоговую черту, а по моему телу побежала завораживающая нега.

Я дождался возвращения Катерины из школы. Она была весела, рассказывала о том, что они с классом в конце недели собираются в исторический музей, что в последнее время ей стала очень интересна история, что когда она вырастет, то обязательно станет археологом и будет ездить в далёкие и диковинные страны.

Меня такой великолепный настрой дочери крайне обрадовал. Видно было, что она отвлеклась в школе, и ее абсолютно ничего не тяготило. Она танцевала с Бакой, кружилась по комнате, вальсируя. Часов в семь я накормил ребенка ужином, сам же тактично отказался, объяснив, что мне надо срочно отбыть на пару часов.

– Чудо мое, я уеду ненадолго, а с тобой побудет баба Соня. Думаю, ты тоже можешь рассказать ей об историческом музее и своих планах, а мне надо срочно встретиться с тётёй Диной, – спешно сказал я, впуская соседку. – Такси будет минут через десять, помоги своему хромоногому отцу обуть здоровую ногу.

На секунду выражение Катиного лица изменилось, правая скула маленького личика дёрнулась, однако, она очень быстро взяла себя в руки.

– Конечно папуля, давай я тебе помогу, – сказала она абсолютно спокойно. – Желаю хорошо провести вам время. Тёте Дине передавай привет.

– Спасибо милая, я очень тебя люблю. Пожалуйста, не скучай, твой треногий отец не заставит себя долго ждать.

Я аккуратно протиснулся в лифт, проехал пять этажей и с натугой преодолел преграду в виде лестничного пролета. Такси поджидало меня у подъезда.

Удар судьбы

Я прождал Дину минут сорок. Она все не появлялась и я начал беспокоиться. Раз десять я набирал номер ее мобильного, но монотонный безжизненный голос неустанно повторял мне, что абонент временно недоступен и советовал перезвонить позже. Сначала я грешил на пробки, потом, что телефон разрядился, а может, она забыла или потеряла его, что сама ужасно переживает, не имея возможности предупредить меня. Еще погодя, я начал думать, что она решила не приезжать, что я ей неприятен, но она не знала, как мне об этом сказать и решила просто исчезнуть. Я уже было совсем отчаялся и потерял всякую надежду её увидеть, когда мой телефон наконец-то зазвонил.

– Стас, – голос Дины срывался, – ты меня еще ждешь?

– Ну, конечно, куда ты пропала?

– Слушай, это черт знает что! Если ты согласен подождать еще с полчаса, то я приеду и все расскажу.

– Дина, если ты этого еще не поняла, то я заявляю, что готов ждать тебя вечно!

– Тогда жди!

Связь прервалась, и я остался один на один со своими домыслами.

Когда она, наконец-то, появилась, часы показывали половину десятого. Мне показалось, что официанты поглядывали

на меня насмешливо и с сожалением, но теперь, когда Дина была рядом, мне море было по колено! Я заказал для нее салат и любимый ею свежесжатый грейпфрутовый сок и приготовился ждать объяснений.

– Стас, ты не поверишь, но это был просто какой-то злой рок! Сначала, у меня оторвалась пуговица на брюках. Это мелочь, скажешь ты, и будешь абсолютно прав. Вот только мелочей таких скопилось столько, что они уже начали представлять собой настоящие препятствия. Я отбросила идею с брюками и надела юбку. Тогда порвались колготки. Целых я не нашла. Извини за подробности, но мы же с тобой почти родные люди. Так вот, я надела джинсы, думаю, ладно, бог с ним, с пафосным твоим рестораном, пойду по-простому, но не смогла найти куртку. Я перерыла все, но тщетно. Куртка просто исчезла. Ладно, я надела джемпер, схватила сумку и уже почти готова была выйти из квартиры, когда у сумки оторвалась ручка. Когда же я справилась и с этой неприятностью и, наконец-то, села в лифт – он просто застрял! А ты же знаешь наши лифты! Телефон в них не берет, я сто лет ждала, когда придет мастер и выпустит меня. Честное слово, Стас, я уже думала не приезжать. Было ощущение, что злой рок преследует меня!

– Всё? – прервал я ее бесконечную тираду. – А теперь я скажу. Никакой злой рок не в силах разлучить нас с тобой! Тьфу, черт, Дин, звучит как-то комично и чересчур помпезно. Не знаю, как сказать. Я стольким женщинам пел диффи-

рамбы, а вот любимой не знаю, что и сказать. Дина...

Она прервала меня на полуслове: – Не нужно ничего говорить! Я уже вчера все поняла. Просто произошло это все так внезапно, я не знаю, что тебе ответить. Пока не знаю. Дай мне время, Стас, мне нужно решить, что делать со своей жизнью, что делать с Сергеем, которому я ничего еще не сказала. Просто слов не нашла...

– Может, ты передумала разводиться?

– Нет, не передумала, но мы прожили одиннадцать лет и не так то просто сделать шаг к разрыву, а мотивировать своё решение одним sms-сообщением, это глупо. Мне нужно все обдумать, осмыслить. Подождешь?

Я горько усмехнулся: – Ну, я столько времени уже ждал, что уж для меня какая-то там пара недель? Думаю, и пара месяцев ничто. Буду ждать сколько нужно. Если, конечно в этом будет смысл.

Мне показалась, что Дина облегченно вздохнула и, как всегда легко, перевела разговор в другое русло. Мы посидели еще минут тридцать, заказали такси и разъехались каждый в свою сторону.

Когда я приехал домой, стрелка на кухонных часах приближалась к полуночи. Катя не спала, а забравшись с ногами на кресло, сидела в полутемной гостиной, и сжимала в руках своего драгоценного Баку.

– Кать! Ты почему не спишь в такое время? Я же велел бабе Соне тебя уложить.

– Она и уложила! – тихо ответила Катерина. – Только мне не спалось. – И еще тише добавила: – без тебя!

– Катя, ну что за глупости! Ну-ка, немедленно в постель!

Я, костыляя, проводил дочку к её спальному ложу, тщательно укрыв одеялом, обнял и поцеловал.

– Катёна! Я очень тебя люблю!

– Я тебя тоже, папа, – совсем тихо и как-то виновато сказала она. – Очень-очень!

Мне спать совершенно не хотелось, я сел на кухне, плеснул себе в бокал немного «Хэннеси» и стал вспоминать наш разговор с Диной. Вспоминал ее лицо, каждую черточку которого безумно любил, вспоминал её голос, смех, улыбку. Сердце сжималось от сладостной тоски, но я верил. Верил! Господи, как же я устал ее ждать!

Должно быть, я просидел так довольно долго, а может и задремал, поскольку, когда раздался телефонный звонок, я вздрогнул так, что чуть не упал со стула. Честное слово, в этот момент я рисковал сломать себе еще и руку!

– Алло! – хрипло ответил я и, откашлявшись, повторил: – Алло!

– Стас! – Я узнал голос Сергея, Дининого мужа. – Ты спишь?

Я посмотрел на часы, стрелки показывали 5:56 утра.

– Нет, а в чем дело? – сердце кольнуло от какого-то тягостного предчувствия чего-то дурного. – Что-то случилось?

– Случилось, – упавшим голосом ответил Сергей. – Дина

возвращалась домой... Уже поднималась в лифте..., – он на мгновение замолчал.

– Ну, что случилось, говори же – не вытерпел я.

– Лифт оборвался...

В голове пронёсся поток жутких мыслей, сердце защемило. Мне представилась траурная церемония и закрытый похороненный гроб, леденящие душу венки, свежий земляной холм и мраморное надгробие с надписью «Дорогой, любимой Диночке, от родных и друзей». В горле пересохло, я едва смог выговорить: – её больше нет?

– Стас, спокойно. Я, наверное, неправильно начал, – она жива. Находится в Склифе, в реанимации. Я приехал следом за скорой. Я знаю, как крепко вы с Диной дружите, поэтому позвонил, как только появилась возможность. Жду информации о её состоянии.

– Я сейчас приеду, – переведя дух, сказал я и положил трубку. По возможности стараясь не громыхать, я собрался, вызвал такси и поехал в Склиф.

Мне пришлось опять беспокоить соседку, бабу Соню, разбудив ее спозаранку, и просить присмотреть за Катей до приезда Витька. Да, Татьяна будет сильно удивлена, когда узнает, сколько всего выпало на нашу долю в это её отсутствие! Мне не хотелось будить ребенка, тем более расстраивать её с утра чудовищной вестью, сам я был этой новостью сражен, но заставлял себя ни о чем плохом не думать. Ранним утром движение в Москве еще вполне сносное, поэтому до Суха-

ревки, где находится Склиф, я добрался довольно быстро. Подумать только, еще вчера мы с Диной сидели в двух шагах отсюда, и моя жизнь наполнялась новым смыслом и надеждой, а сейчас эта надежда у меня может быть отнята навсегда. Нет, даже думать об этом нельзя!

В Институт Скорой Помощи им. Склифосовского в столь ранний час, конечно же, никого не пускали. Я, было, попытался сунуться со своими костылями и, что называется, сойти за своего, но дюжий охранник преградил мне дорогу и посоветовал прийти в часы посещения. Объяснять, что я лучший друг потерпевшей не имело смысла, здесь привыкли к подобным выступлениям и относились к ним безразлично, а поскольку родственником Дине я не приходился, то и шансов пробраться внутрь не имел никаких. Пришлось звонить Сергею. Он спустился за мной довольно быстро, но возвращаться обратно не спешил.

– Нет смысла, – сказал он, – она без сознания, а мне нужно перекурить. Давай посидим немного вон на той скамейке.

Как я уже говорил, Динин муж был видным мужчиной, высоким, плечистым, с хорошо тренированным телом. Он всегда нравился женщинам и умел этим пользоваться. Возможно потому, что я всегда воспринимал его, как соперника, и понимал, что во многом ему проигрываю, я не испытывал к нему дружеских чувств. Не стану говорить о Сергее ничего плохого, но мне он никогда не нравился.

Он был успешнее меня, удачливее, ему все доставалось

легко и просто. Он был сыном академика, с детства все получал на блюдечке, папа всегда составлял ему протекцию, и на жизненном пути никаких препятствий преодолеть ему не пришлось. Такие детки обычно вырастают полными раздолбаями и балбесами, но нет, здесь судьба распорядилась иначе, и из Сергея получился весьма хороший врач. И в жены он получил лучшую женщину в мире, но вот именно этого, на мой взгляд, оценить не сумел, поскольку я о его интрижках был наслышан не только от Дины.

Сегодня он был небрит, под глазами залегли тяжелые тени, взгляд был напряженным и немного растерянным. Однако, когда он доставал сигарету и прикуривал, я заметил, что руки его совсем не дрожат, а это означало, что при любой ситуации он умел владеть собой. Должно быть, именно поэтому Сергей и был классным пластическим хирургом.

– Господи, Сергей, расскажи мне, как это случилось?

– Да кто ж его знает, как? – он пожал плечами. – Дом-то совсем новый, ты же знаешь. Правда, говорят, что строили его гастарбайтеры, а строить они не умеют, экономят на стройматериалах, воруют и все такое. Но теперь все так говорят, это же ничего не значит. Всех послушать, так в Москве каждый новый дом должен бы рухнуть сразу после сдачи.

– Так ведь и рухнул, Сергей, ну пусть не дом, а только лифт, но ведь рухнул! – я начал заводиться. Его рассудительность раздражала.

– Рухнул! – легко согласился он, сделав новую глубокую

затяжку. – рухнул.

– А Дина?

– А Дина была в нем. Знаешь, у нас ведь поскольку дом новый, многие еще делают ремонт, вот и поднимают много всякого. Говорят, сегодня весь день возили тяжеленные бетонные блоки. И трос не выдержал.

– Как это не выдержал? Кроме того, у лифта не один трос, а целых три. Что, все три не выдержали?

– Ну не знаю я! Сам понимаешь, это ж ЧП, да еще какое! Там народу собралось тьма, специалисты всякие, домик-то не простой, много всяких толстосумов живет. Все перепугались. Почему тросы лопнули? Почему блокирующая система не сработала?

– А она не сработала?

– Да я толком и не понял. Дина в лифте не одна была. С какой-то дамой. Доехала почти до нашего этажа, когда он оборвался. Видимо блокирующая система оказалась бракованной. Как мне сказали, на рельсах, по которым двигается лифт, стояло два тормозных фиксатора, сначала из строя вышел один, за ним второй, лифт начало бить о стены шахты, он перекосялся, и Дина упала. Именно это и спало ей жизнь. Если бы она стояла, то ее, в лучшем случае, ожидал бы перелом позвоночника и инвалидное кресло до конца дней. Она же упала плашмя, раскинув руки и ноги в стороны, в общем, если можно так выразиться, повезло, чего не скажешь о ее попутчице, та приняла удар, стоя на коленях, и её позвоноч-

ник вылез у нее позади головы.

– О, Боже! – возникло секундное отвращение, но, так как Динина попутчица меня в данной ситуации мало интересовала, это ощущение моментально улетучилось, и в моей памяти возник вчерашний вечер и Динин рассказ обо всех напастях, которые преследовали ее, и, самое главное, о том, как она застряла вчера в этом лифте. Что это было? Череда предупреждений, злой рок?

А Сергей тем временем продолжал:

– Вот именно. Там кровищи было! Я сначала думал Динкина, но нет, большая часть той женщины. Правда, в лифте зеркало висело огромное, так оно разлетелось на куски, осколками порезало Динке лицо... – он секунду помолчал, – сильно порезало. Придется потрудиться над ней. Но это мелочи. Главное, чтобы она выжила. У нее сломаны ребра, осколки повредили легкое, было сильное внутреннее кровотечение. Сильный удар в область грудной клетки спровоцировал разрыв бронхов. Сильнейшее сотрясение и отек мозга. Я уж не говорю про переломы конечностей.

Он говорил так спокойно, так неторопливо курил, что я почувствовал, как во мне закипает раздражение.

– Ты так спокойно обо всем этом говоришь?

Он удивленно взглянул на меня: – А что я, по-твоему, должен делать? Рвать на себе волосы? Биться в истерике? Проклинать Господа? – Он тяжело вздохнул и уставился куда-то в пространство. – Если бы ты знал, как я устал! Все меня в

чем-то всегда обвиняют. Пациенты в спокойствии, родители в эгоизме, жена в равнодушии. А мне хочется только одного, – чтобы меня, наконец-то, оставили в покое. Дайте мне жить так, как я хочу, не оглядываясь на других, не думая, как они это расценят.

Он вдруг осекся: – Что это я? Совсем распустился, вот видишь, уже почти истерика. Это все от усталости. Да и за Динку я, конечно же, испугался. Она ведь хорошая, только не понимает меня совсем. – Сергей мгновение помолчал и добавил: – Да и я её тоже...

Возвращался домой я в полном отчаянии. Сергею удалось провести меня в отделение интенсивной терапии. Вид Дины на реанимационной койке, перевязанной, увешанной какими-то трубками и датчиками, мерное пиканье мониторов в звенящей палатной тишине не прибавило мне оптимизма. Состояние ее было более чем серьезным, а помочь я, к великому моему сожалению, ничем не мог. Теперь нужно было уповать только на Господа бога, да на выносливость ее организма, ибо врачи, со своей стороны, сделали все от них зависящее.

Едва я переступил порог своей квартиры, как услышал на кухне голоса. Витек уговаривал Катерину идти в школу, а она наотрез отказывалась. Прямоком, не снимая куртки, я двинулся к ним. Последние события вымучили меня до предела, и чувствовал я себя совершенно разбитым.

– О, Стас! – сначала обрадовано воскликнул Витя, но, взглянув на меня, сразу же стал серьезным. – Послушай, я никак не могу уговорить твою дочь отправиться в школу. Я уже и сам везде опоздал... Стас, что-то случилось? На тебе лица нет, – встревожено произнес он и замолчал.

– Вить, Дина в реанимации, авария в лифте. Состояние тяжелое. Ты поезжай. Спасибо тебе, я тут сам разберусь.

Мой приятель, явно ошарашенный такой новостью, но из чувства такта, не задавший ни одного вопроса, поспешил удалиться. Пока я раздевался, с большим трудом снимал ботинок со здоровой ноги, мыл руки, моя дочь пребывала на кухне и не показывалась на глаза. Уже одно это удивило и насторожило меня. Она не бросилась мне помогать, не спешила объяснять свое нежелание идти в школу. Когда я, наконец-то, добрался до кухни, то увидел, что она по-прежнему сидела на своем месте, глубоко о чем-то задумавшись.

– Ну-ка, изволь объяснить свое поведение, – потребовал я, не дождавшись от нее ни единого слова.

Она молчала, и я начинал терять терпение. Момент для детских истерик был явно неподходящий. Я, конечно, человек терпеливый и отец неплохой, но сейчас был совсем не тот момент!

– Катерина! – я повысил голос, – Я жду!

– Пап..., я проснулась и не увидела тебя. Я очень испугалась, сразу подумала, что что-то случилось, – тоненьким голосом начала она, но продолжить не смогла, ибо прорвав-

шиеся наружу рыдания мешали ей говорить. – Пап!... прости!... прости меня!.. это все я! ... – однотонно, икая и всхлипывая, повторяла она.

Я даже опешил. Что опять случилось? Не многовато ли для одного, только еще начинавшегося дня?

– Катена, в чем дело?

– Папа!... Прости... с Диной... это я виновата...

О, Господи! Я возвел глаза к небу. Только этого еще не хватало.– Малыш, ну при чем здесь ты?

– Я, я пожелала ей зла вчера! Она меня взбесила.... из-за тебя... И я попросила Баку избавить нас от нее...

– Катя! Какого еще Баку? – Я взбеленился не на шутку. – Как это понять, избавить? Ну, что ты мелешь, в конце-то концов! Я устал, я весь на нервах, почти не спал, а ты сидишь тут и несешь такую чепуху!

– Ты не понимаешь! – продолжала всхлипывать Катя, – да ничего ты не понимаешь! Это же страшно! Очень страшно! Я боюсь!

– Кого ты боишься! – взорвавшись, заорал я, – Кого, я тебя спрашиваю?

– Ба-а-аку! – и Катерина залилась слезами с новой силой.

– Ах, Баку! Где он? – я оглянулся в поисках чудовища. – Где он, я спрашиваю?

– В моей комнате, – жалобно ответила Катя.

Черт возьми! Понятно, что следует немедленно взять себя в руки, успокоиться самому и успокоить ребенка, но я уже не

мог этого сделать. Человеку все-таки свойственны и слабости и недостатки! В последние дни мне довелось жить в каком-то сплошном стрессе и, видимо, я сорвался... Я понесся (если только это слово применимо к моему нынешнему состоянию) в комнату Катерины, мгновенно увидел лежащее на кровати чудовище, схватил его и, потрясая рукой в воздухе, завопил:

– Этого? Я тебя спрашиваю, этого ты боишься?

Катя примчалась за мной следом и стояла зареванная, растрепанная, какая-то вся замызганная и реально перепуганная. Теперь уже, наверное, моим взбешенным состоянием. Она только судорожно кивала головой, подтверждая, что именно этого она и боится.

– Так вот, что я с ним сделаю, чтобы ты не боялась!

И я начал неистово дергать чертову куклу за голову, пытаясь ее оторвать. Не тут-то было! Хотя на вид игрушка и была довольно хлипкой, но на деле она оказалась куда прочнее. Голова не отрывалась. Но я уже завелся, дергал ее за все конечности, однако и они не поддавались, тогда совершенно ополоумев от бешенства, я со всей силы зашвырнул ее в коридор. Послышался звук удара обо что-то, затем звон разбиваемого стекла и воцарилась тишина.

Силы как-то сразу оставили меня. Глубоко вздохнув, я непроизвольно бросил взгляд в зеркало, висевшее слева от меня, и моему взору представилось дикое зрелище. Мы с дочерью стояли друг против друга, оба одинаково взлохмачен-

ные, красные, мокрые, она – от слез, а я от катившегося по лицу пота. Глупое это зрелище как-то мгновенно отрезвило меня, привело в чувство и охладило. А потом стало ужасно стыдно за свой нелепый срыв.

– Катена, прости! – я опустил на кровать, похоже, лишившись последних сил. Катя бросилась ко мне, я обнял её, и мы затихли. Поначалу я еще чувствовал, как мне на щеку и шею капают горячие Катины слезы, но постепенно поток их иссяк, еще некоторое время Катя судорожно всхлипывала, но вскоре и это прошло. Мы не заметили, как уснули.

Проснулся я с жуткой головной болью. Часы показывали половину третьего. Н-да, нечего сказать, мы проспали полдня. Моя ненаглядная дочь сладко посапывала у меня под боком, и на ее лице не отражалось ни следа от разыгравшейся недавно кошмарной сцены. Я встал и с трудом поплелся на кухню варить себе кофе. Коридор был усыпан осколками вазы, разбитой вследствие моего снайперского броска. Что-то не везет в последнее время моим вазам, это уже вторая за три дня. И ведь стояла-то так неуязвимо, высоко, на шкафу, под самым потолком. Пока я неуклюже убирал, заметал следы удачного броска, гремел на кухне посудой, Катя тоже проснулась. Она понуро вошла в кухню, села за стол и виновато посмотрела на меня.

– Ладно, Кать, – начал я, но продолжить не успел, так как раздался телефонный звонок.

– Стас, это я, наконец-то вернулась.

За всей круговертью событий я совершенно забыл о Татьяне, и сейчас чрезвычайно обрадовался ее возвращению. По крайней мере, она снимет с меня груз отцовства, и у меня не будет болеть голова хотя бы за дочь.

– Танюша! Ты даже не представляешь как я тебе рад!

– Это что-то новенькое! Неужели Катюха была столь невыносима?

– Дело не в этом! Долго рассказывать. Мы сейчас же собираемся, заказываем такси и едем к тебе.

Я даже не дал ей ответить, бросил трубку и велел дочери собираться. Не могу сказать, что она разделяла мой энтузиазм, однако пошла за вещами без лишних слов. Я же тем временем вызвал такси и несколько привел себя в порядок. Через полчаса мы уже спускались на лифте. Эх, как было бы удобно сейчас сесть за руль, услышать привычное, успокаивающее урчание двигателя, помчаться куда нужно... Выйдя из подъезда, я первым делом посмотрел в ту сторону, где была припаркована моя машина... и ахнул. Двор у нас довольно широкий, да и время уже близилось к обеду, так что многих машин не было и свободного места было предостаточно. Однако кому-то его не хватило, и теперь мой почти новенький Ниссан X-Trail стоял с оторванным задним бампером, куски которого валялись тут же неподалеку. И вокруг, естественно никого. Двор был абсолютно пуст. Поскольку время, как я уже говорил, было послеобеденное, мамыши с детьми уже разошлись по домам. Не было и привычных посиделок

бабусь. Только вызванное мною такси нарушало покой двора, и чересчур громко тарахтело на холостых оборотах.

Я даже зубами заскрежетал! Ну что же за невезение такое! Ну, когда мне этими-то делами заниматься? Мне же надо Катюху отвезти к матери, самому съездить в больницу к Дине, мне нужно в офис, где я уже не был давным-давно, а дел там наверняка накопилось невпроворот! Я решительно направился к такси, пока бог с ней, с машиной, в конце концов, она застрахована, так что свои деньги я получу всепременно, а пока сделаю вид, что ничего не заметил.

– Пап! – удивленно воскликнула Катя, – а это разве не твоя машина? Что с ней?

– Пойдем, Кать, пойдем. Моя, но сейчас не до нее.

Вот и делай тут вид! Мы загрузились в такси, и я назвал адрес Татьяны, благо жила она не так чтобы очень уж далеко от меня. Однако то ли таксист был неопытным, то ли везение окончательно покинуло меня в этот день, но мы собрали все мыслимые и немыслимые пробки, чуть не попали в ДТП, заблудились, и добрались до места лишь полтора часа спустя. Я уже весь извелся, нога затекла и ужасно ныла, а голова разболелась до невозможности.

– Н-да, оригинально ты выглядишь! – констатировала моя бывшая жена, открыв нам дверь и окинув меня беглым взглядом с головы до ног.

– Сам знаю, – буркнул я. – Лучше свари мне кофе.

– Давайте, проходите. Чувствую, предстоит нам долгий

разговор, – встревожено заметила Татьяна.

Пока она хлопотала на кухне, я разделся, прошел в комнату и наконец-то уселся в кресло, удобно пристроив свою переломанную ногу на мягкий пуфик. Катерина удалилась в свою комнату и не показывалась на глаза. Должно быть, я немного задремал, потому как, открыв глаза, увидел рядом с собой на журнальном столике чашку дымящегося кофе и незамысловатые угощения: сушки и конфеты.

– Извини, дома шаром покати, – сказала Татьяна.

– Да, ладно, ты же только приехала.

– Ну, рассказывай! Как ты дошел до жизни такой.

И я начал рассказывать.

Рассказ получился долгим. Катерина нас не беспокоила, уединившись в своей комнате, за что я был ей безмерно благодарен, Татьяну же мое переполненное не самых приятных событий повествование просто повергло в шок. Она сначала пыталась обвинять меня в безалаберности и в полном отсутствии ответственности в связи с тем, что я не сообщил ей о переломе сразу же. Однако, вспомнив о смерти тети, перестала нападать на меня, а, узнав о дальнейшем развитии событий, вообще затихла и обратилась в слух. Периодически она покачивала головой, будто отказываясь верить в услышанное. Я же старался донести до нее информацию как можно более мягко, так как не хотел ее пугать. Я упустил лишь факт моего признания в любви к Дине в надежде, что и Катена об этом умолчит. Не хватало нам еще и Татьяниной

реакции.

– Сегодня, когда я вернулся из Склифа, Катерина очень нервничала, даже плакала. Она обвиняла во всех злоключениях себя и говорила, что её кукла Вуду исполняла все ее пожелания. Она, конечно, не хотела того, чтобы я сломал ногу или чтобы Дина так серьезно пострадала, но якобы желания Катерины кукла реализовывала, но в своей злонамеренной интерпретации. Ну, вроде того, что она только захотела, чтобы я был с ней дома, как на следующий же день я сломал ногу, а у нее появилась возможность заботиться обо мне. Она так была расстроена, что пришлось расправиться с этой отвратительной куклой, чтобы успокоить ребенка. А ведь это подарок твоего Гебауэра, и я ведь сразу же тогда сказал, что подарок этот идиотский. И надо же было ему напустить вокруг этого страшилища столько туманной загадочности и мистицизма, что у ребенка в итоге произошел нервный срыв. Надо бы, кстати, позвонить Жану и высказать свое недовольство. Обвинять его в чем-то, конечно, глупо, но пусть впредь соображает, кому и какие подарки дарить, – закончил я свой затянувшийся рассказ.

– Да, Стас, – Татьяна зябко поежилась. – Ужас! Я в шоке. Но все же, если бы ты позвонил мне, этих Катериненых срывов можно было бы избежать. Я бы поспешила вернуться. Хотя да, родители были в очень плохом состоянии. Ну, а что по поводу Дины?

– Ну, Тань, думаю это ревность, ведь Дина очень заботи-

лась обо мне все это время, а Катя хотела быть абсолютно незаменимой, – смутившись, ответил я. – Ну да, что теперь об этом говорить. Ребенок ни в чем не виноват, не надо даже и заводить подобный разговор. Вот теперь ты в курсе, как нам удалось провести эти две с половиной недели. Полученных эмоций можно бы с успехом растянуть на несколько лет. Я рад, что все закончилось, что родители пошли на поправку, и ты вернулась. Я, пожалуй, поеду домой, совсем забыл о том, что моя машина стоит во дворе с оторванным бампером. Представляю, какая меня еще ждет волокита.

– Боже, а с машиной-то еще что? – окончательно запутавшись в очередности чрезвычайных ситуаций, спросила Татьяна.

– Тань, сам ничего не знаю. Когда собрались ехать с Катей к тебе, во дворе я увидел свою машину с оторванным бампером, но в тот момент мне было не до выяснений причин. Займусь этим сейчас, или по дороге позвоню ребятам, чтобы помогли. Я сейчас ничего не соображаю. Давай, занимайся дочерью, а я поехал. – Покряхтывая, я встал и направился к двери, а Татьяна так и продолжила сидеть в кресле, переваривая полученную информацию.

По дороге домой, еще из такси я вызвал ГИБДД и позвонил в страховую компанию. Мне предстояло до вечера провозиться с машиной, но, несмотря на усталость, я решил справиться собственными силами. Прошло часа три с момента вызова сотрудников Госавтоинспекции до их приез-

да. За это время я решил взять новые высоты, в аптеке купил себе стариковскую палку и отважился аккуратно наступать на ногу. Костыли изрядно мешали моему существованию, а сидение в машине и оформление документов вообще не представлялись возможными. По приезду долгожданных инспекторов я заполнил кучу бумаг, хотел было отправиться в отделение, чтобы проставить необходимые печати, но понял, что время уже позднее и все закрыто. Одним словом, не скучал. Одно только было плохо. Все это время мне пришлось преодолевать всевозрастающую боль в ноге, которая, как мне казалось, начала уже расплзаться по всему телу. Когда я заходил в подъезд, у меня болело все, нога, спина, голова, я чувствовал себя разбитым, немощным и больным. Время было уже около половины десятого и, поднимаясь в лифте, я представлял себе свой мягкий диван, удобную подушку и рюмку согревающего коньяка, но не успел я додумать все до конца, как вдруг кабина лифта дернулась и остановилась. Меня всего так и обдало холодным потом. Стыдно признаться, но, кажется, мне никогда в жизни еще не было так страшно.

Мгновенно в мыслях всплыл образ Дины на реанимационной койке и как отсчет в обратную сторону начали рождаться картинки из рассказа ее мужа: груды обломков, лужа крови, позвоночник, торчащий из спины, но уже моей собственной, жуткий скрежет метала, дикое ощущение взлета. Подступила тошнота

Вдруг, кабина дернулась, потом еще раз и... поехала. По прошествии нескольких секунд она остановилась на моем этаже, и двери ее разъехались в стороны. Это было первое благополучное событие за весь сегодняшний день. Я практически вылетел из лифта, позабыв и про сломанную ногу и про одолевающую усталость. Никогда больше не буду пользоваться этим достижением человечества! Да здравствует здоровый образ жизни! Только пешком, как вниз, так и вверх! Правда, мгновенно возникли новые образы: я, спускающийся по лестнице, тяжело опирающийся на палку. Рукой придерживаюсь за перила, мелкими, неуверенными шагами, словно ощупываю каждую ступеньку, двигаюсь вниз. Палку ставлю так, чтобы была абсолютная уверенность в следующем шаге, а она, тем не менее, попадает на брошенную некой свиньей банановую кожуру. Палка стремительно уходит в сторону, я теряю равновесие и мое несчастное, брэнное тело, как мешок с костями, кубарем катится вниз. Снова торчащий из спины позвоночник, лужи крови, одним словом, сценарий тот же, но в нормальной хронологии! Я потрянул головой, изгоняя из нее эти черные мысли, и запустил руку в карман в поисках ключа. И снова меня накрыла волна пока еще неясного, не вполне отчетливого отчаяния. Ключей не было! Я обшарил другой карман. Тот же результат. Посмотрел в брюках, хотя никогда их туда не кладу, ибо ходить становится неудобно. Пусто. Мне захотелось завывать и биться головой об дверь до тех пор, пока я не пробью в ней дыру и

не окажусь, наконец-то, в привычном полумраке своей прихожей. А еще меня захлестнула волна такого бешенства, что я размахнулся и с силой ударил кулаком в свою ничем неповинную дверь. Ответом мне было мгновенное возникновение бабы Сони на пороге своей квартиры и ее удивленное:

– Стасик, что-то случилось?

Я разом пришел в себя. Я всегда ненавидел истерики и искренне удивлялся людям, не умеющим сохранять хладнокровие в сложных ситуациях. Мне казалось, что уж я-то никогда не позволю себе никаких слабостей, и буду всегда выглядеть достойно. И что же это получается? Первая же черная полоса в моей жизни способна меня сломить? Да никогда!

– Ничего страшного, Софья Андреевна, – бодрым голосом ответил я. – Просто я ключи потерял.

– Ах, Боже ж ты мой! – всплеснула руками соседка и запричитала: – Голубчик, да что ж за напасти-то такие? А ты хорошо поискал? Может в подъезде где обронил, а? А может, украли? Сейчас же сколько прохвостов-то повсюду! Ох, напасти-то какие! Вот же неприятность какая!

Так могло продолжаться очень долго, и я поспешил прервать поток её излияний.

– Да, ничего страшного, Софья Андреевна! Сейчас вызову спасателей, они вскроют мне дверь и врежут новый замок. И всего-то делов!

Я был очень доволен собой. А и, правда! Всего-то делов!

И чего это я так расстроился? Это все усталость.

Спасатели и вправду приехали очень быстро, а замок вскрыли еще быстрее. Я никогда особенно не заботился о безопасности своей квартиры, во-первых, потому что красть у меня нечего, а во-вторых, просто мне всегда было некогда, поэтому и дверь и замок были довольно допотопными и старыми. Да и сама квартира давно требовала ремонта, но лишь при одной мысли об этом меня охватывала паника, и я даже думать о том не хотел. Итак, после некоторых формальностей, как-то предъявление паспорта (хорошо хоть он-то не пропал!) с пропиской, оплаты вызова и услуг по замене замка, сама замена, длившаяся не более пятнадцати минут, я, наконец-то, оказался в своей прихожей. Да, жизнь все же состоит из маленьких радостей, оценить которые можно лишь в такие вот моменты!

– Ну, ладно, мужик, – сказал мне доблестный сотрудник МЧС, – ключи больше не теряй. А надумаешь дверь менять, обращайся. Мы тебе напрямую сделаем, в обход фирмы, дешевле будет. – И он заговорщески подмигнул. – Ну, ты ж понимаешь!

А что тут не понятного? В нашей стране давно все делается в обход всему, всего и подешевле. Правда, иногда такая дешевизна выходит боком, но это выясняется уже потом, хотя в некоторых случаях и довольно быстро. Интересно, а в моей фирме тоже что-то делается в обход мне, по дешевке?

Вечер хотелось провести в тишине. Я был настолько из-

мотан, что не осталось ни желания, ни сил на еду, не стал даже включать телевизор, чтобы только побыть в одиночестве. Я торопливо плеснул в бокал изрядную порцию коньяка и рухнул в кресло. В комнате царил полумрак, и за окном было уже совсем темно. Господи, как же хорошо дома! Воистину, правы англичане, утверждая, что «мой дом, – моя крепость!» После первого же глотка приятное тепло начало разливаться по всему телу. Пожалуй, впервые за последние двадцать четыре часа я реально расслабился, закрыл глаза и просидел так какое-то время, наслаждаясь тишиной и покоем. Вдруг, в голове будто промелькнула молния, я вспомнил, что за всеми сегодняшними событиями ни разу не справился о состоянии Дины. Реальность вновь начала отвоевывать окружающее пространство. На часах было около одиннадцати. Ни секунды не раздумывая, я взял мобильный и набрал номер Сергея.

– Привет! Извини за поздний звонок. Как Дина?

– Привет, не извиняйся, ты же знаешь, я сова. Дина без изменений. В сознание не приходила, состояние тяжелое, но стабильное. Я сегодня заезжал, успел поговорить с врачом. Он сказал, что со своей стороны врачи делают все возможное. Нам остается надеяться и ждать.

– Будем ждать! – с тоской сказал я. – Благодарю за информацию. Ты завтра туда поедешь? Я бы тоже хотел.

– Стас, да брось ты скакать с твоей-то ногой. Все равно пока она не придет в сознание смысла от визитов никакого.

Кстати, как нога?

– Побаливает, но это ерунда. А к Дине я обязательно завтра съезжу, так что если тебе не будет сложно, позвони, когда соберешься к ней.

– Хорошо, верный Санчо Панса, до завтра.

Я нажал отбой, откинулся на спинку кресла и снова закрыл глаза. Завтра так или иначе, но обязательно поеду в больницу. Даже если Дина не пришла в сознание, я должен её увидеть. Одним глотком я допил коньяк и сделал весьма неприятный для себя вывод, что все помыслы о сне полностью куда-то улетучились. В голове опять завертелась карусель событий, и на память снова пришли Катёнины слова:

– Я пожелала ей зла вчера! Она меня взбесила.... Из-за тебя... И я попросила Баку избавить нас от нее...

Бедный ребенок, представляю, что творится у нее в голове, обвиняет себя не весть в чем. С чего она решила, что эта кукла может творить зло? Ну, свойственно конечно, детям верить в сказки, но сказки-то тоже разные бывают. Наверняка начиталась мрачных историй в Интернете.

Я тяжело поднялся и направился к компьютеру, спать все равно расхотелось. Замерцал голубоватый свет монитора...

Итак – Вуду... Все-таки жизнь полна неожиданностей и подчас подкидывает нам довольно странные сюрпризы. Как я уже говорил в самом начале своего повествования, я всегда был скептиком и прагматиком и даже предположить не мог, что когда-нибудь сяду за свой компьютер не для того,

чтобы узнать последние новости на рынке информационных технологий, а для того, чтобы восполнить свой пробел в области магии Вуду. Подарок Гебауэра, сразу же после его появления, вызвал у меня негативные эмоции и, хотя с тех пор прошла уже уйма времени, мысль об этой гадкой кукле не давала мне покоя, она несла в себе такую же потенциальную угрозу, как тот самый пресловутый дамоклов меч. Да, на меня и мое окружение свалилась такая гора неприятностей, что волей-неволей задумаешься о мистике. Голова шла кругом, и до сих пор всё произошедшее не укладывалось в ней, и уж в особенности то, что случилось с Диной. Да и Катюшкин срыв тоже ничем не лучше, но самое главное заключается в том, что все зло она почему-то связывала с куклой.

Я очень хорошо помню, что появление этого уродца вызвало у дочери бурю восторга, а Татьяна и Дина, по сути, пресекали малейшее моё брюзжание по поводу этого приобретения. Именно Дина, когда мы возвращались с Катиного дня рождения, назидательно выдала мне краткий экскурс в эту культуру, а также уличила меня в абсолютной безграмотности в данной области. Но я и не пытался с ней спорить на этот счет, ибо действительно мало интересовался какими-то там колдунами и обрядами захолустных стран. Дина очень начитана, не буду употреблять слово «была», она и есть! Я абсолютно уверен, что, слегка пошуровав в закромах своего напичканного разнообразными сведениями ума, она могла бы поддержать любую беседу в любом обществе. Помню ее

слова тогда в машине: – «Конечно, Стас, ты такой деловой и такой правильный. Ты даже знаешь, что появилось раньше, – курица или яйцо. Вот только ты это и знаешь. Но твоя железная теория жизни сводится лишь к достаточности оборотных средств, а ведь есть еще много прочего, загадочного и интересного. Скажи мне, почему ты столь поверхностно интересуешься другими культурами, взять хотя бы даже те страны, куда ты летаешь и где наслаждаешься сказочными пейзажами? Вуду, это так интригующе, так романтично! Тебя совершенно не интересуют корни происхождения культур, ты просто пользователь удовольствиями!» Но тот просветительский ликбез моей подруги не возымел ровным счетом никакого резонанса в моей голове, все наше внимание переключилось тогда на увиденную аварию, и весь остаток дороги каждый из нас пребывал в задумчивости. Только сейчас я вспомнил тот упрек и свое нежелание запросто так проглотить его. Я собирался вникнуть в суть дела, для начала хотя бы и поверхностно, чтобы потом иметь возможность парировать откровенному и нахальному превосходству Динки.

Но ни времени, ни случая заняться данной тематикой до сей минуты у меня не было. Работа, черед злключений, сломанная нога и, наконец, трагедия в лифте помешали моим далеко идущим планам. Говорят, что увлечения или хобби появляются у человека в том случае, когда на основном поприще его деятельности возникает затишье. Увы, это был не мой случай, хотя в душе и поселилась холодная пустота.

С сегодняшнего дня я начал осторожно наступать на ногу, даже мог, хотя и очень медленно, ходить, отдав свое предпочтение палке, а не костылям. Трагедия с Диной волей-неволей аккумулировала мои силы, мне просто не осталось выбора, надо было хотя бы поддержать Сергея, и конечно, быть полностью осведомленным в происходящем. Поэтому, говорить о том, что я выбрал магию Вуду в качестве хобби на ближайшую ночь, было бы верхом лицемерия, однако надо же было чем-то занять свою израненную душу.

Я уютно расположился перед монитором и погрузился в мировую паутину. Как точно определено это название. Если только представить наш маленький земной шар, посмотреть на него сверху, снизу или сбоку ... он почти круглый, ему все равно ... и если соединить все Интернет-пользование видимыми нитями, земля наша окажется в коконе ... плотном, непробиваемом коконе. А ведь по логике вещей из кокона должен кто-то вылупиться. Мурашки по коже побежали. Когда-то мне попалась статья, после которой в голове поселилась мысль о перемещении реальной цивилизации в виртуальное пространство, о замещении живых ценностей и культур на мир цифрового потока, о поглощении экранными симуляциями реально ощутимых и привычных для нас вещей и существ. Интересно, что же может вылупиться из такого кокона? Но если перестать фантазировать и убедиться в том, что ты управляешь машиной, а не она тобой, можно расслабиться и продолжить поиски необходимой информа-

ции, мерно потягивая свой вечерний кофе.

Ладно... Набираю в поисковике «Вуду» и что же ... Магия Вуду. Сильнейший любовный приворот, отворот, магия, сделать приворот..., Вуду, – черная и белая магия, приворот, отворот, или как вернуть любимого или Бред какой-то... Неужели кто-то на это ведется? Неужели люди серьезно относятся к подобным вещам, и кто-то решается тратить деньги на словоблудие явных шарлатанов? Нет, ну смешное же дело, к примеру, ты бредишь некой грудастой блондинкой, она, естественно, не отвечает тебе взаимностью. Тогда ты, не будь дурак, делаешь себе куклу Вуду с большими буферами и – вперед! Приворачивай, отворачивай, заворачивай, и не пройдет даже и дня как эта самая «звезда» уже стелется у твоих ног и клянется в вечной любви! Что же тогда на земле не царит эта самая вселенская любовь, ежели все настолько просто?

Нет, ну, я тоже тот еще красавец, что же меня-то так заклинило с этим маленьким уродцем?

Как назвала его Катька – Бака? Бука? Бяка? Все время забываю его имя. Откуда она его выкопала, такое имечко? Впрочем, какова кукла, таково и название.

Так, так ... а надо же, и правда есть такая кукла... Вот, Бака – коллекционная кукла «Бака Вуду» от «Меско Тойс», снабжена гибким скелетом, принимает любые позы. Страшная вещица. Ничего общего с Катиным уродцем нет, но тоже не вызывает никакой симпатии. Голова просто кругом

идет. Коллекционная кукла. Ну, кому же приходится в голову такое коллекционировать, хотя, глядя на массу объявлений о приворотах, заговорах и прочих оккультных обрядах, удивляться количеству сумасшедших не приходится. «Принимает любые позы», ну, эта способность куклы невольно вызвала у меня смех, это еще зачем? Производить акробатические упражнения с объектом вожеления или ненавистным начальником?

«Вредный Бака – представитель самых темных сил, не желая вам зла специально, он, тем не менее, способен доставить массу неприятностей. Будьте осторожны! Играя с другими куклами, Бака концентрирует их магию, что может привести к неприятностям, а то и зловещим результатам, и против кого будет направлена магия – непредсказуемо...»

С другими куклами? Ну, форменное сумасшествие!

Надо же, Катюха, и не лень ей было штудировать Интернет, теперь понятно, что вытащила она это имечко из недр всемирной паутины. Вот, что значит современное подрастающее поколение!

Счастье мимо не ходит

Как ни странно, но проснулся я свежим и отдохнувшим. Видимо, мой организм, уже не рассчитывая на меня, решил взять заботу о себе самостоятельно. Ну и славно! Была половина седьмого, день предвещал быть солнечным и все прошлые невзгоды вдруг показались мне не то, чтобы незначительными, но не смертельными. Давно я не ощущал такого заряда оптимизма. Я умылся и проковылял на кухню готовить себе завтрак, однако, пошарив по полкам и заглянув в холодильник понял, что нынче утром поживиться мне будет нечем. Оно и понятно, за всей этой кутерьмой я совсем забыл о магазинах. Ладно, придется довольствоваться тем, что есть. После Катёниного пребывания у меня остались кукурузные хлопья, и молоко, кажется, тоже было. Я высыпал «сухой корм» в тарелку, залил остатками молока, хорошо хоть на это хватило и, сунув в рот первую ложку, стал жевать. В ту же секунду мой зуб наткнулся на что-то твердое, послышался характерный хруст и колкий обломок выпал на стол. Ну, естественно, по-другому и быть не могло! Я сломал зуб! Хорошее настроение улетучилось так же стремительно, как и появилось. Аппетит мгновенно пропал, я вылил оставшуюся бурду в раковину и направился к телефону.

– Алло, Тань, это я.

– Что-то ты раненько. Не спится?

– Я зуб сломал.

– Господи, время – семь! Когда ты успел?

– Вот успел. К тебе можно подъехать, посмотришь?

– Слушай, с утра у меня все занято, подъезжай часикам к двум, попытаюсь выкроить для тебя время.

– Договорились, в два я у тебя!

Я повесил трубку. Все возвращалось на круги своя.

Ровно в час дня подъехало заказанное мною такси. Ох, и накладно же это, перемещаться со сломанной ногой. Я, конечно, мог бы попросить Виктора, но он и так был немало загружен моими делами все эти дни, и посему я вновь решил обойтись своими силами. Автомобиль попался российский, далеко не новый, а таксист на редкость болтливый, почти как в былые советские годы. Казалось, он только меня и ждал, чтобы обрушить на мою голову бурный словесный поток, а поскольку сидел я на заднем сидении, то он еще и умудрялся, поворачивая голову в мою сторону, то заговорщески подмигнуть, а то и просто заглянуть в глаза. При всем этом, манера езды его оставляла желать лучшего, он перестраивался из ряда в ряд, резко тормозил и столь же резко давил на газ, от подобного вождения мне было крайне неудобно, я чуть ли не скатывался вниз, потому, что сидел полубоком с вытянутой на сиденье ногой. Периодически начинало укачивать, а всякий раз, когда он отвлекался от дороги, я начинал нервничать. Мы вырулили на МКАД, где в это время дня было обычно свободно и можно было развить приличную ско-

рость. Таксист что-то рассказывал про свою тещу, размахивал руками, громко смеялся и начинал уже сильно раздражать меня. Я отвернулся и демонстративно уставился в заднее стекло, всем своим видом показывая свою незаинтересованность его повествованием, но эта уловка не возымела должного эффекта. И когда я совсем уже потерял терпение и решился прервать его излияния и попросить немного помолчать, то вдруг увидел невестку откуда вылетевшую белую «Хонду», стремительно приближающуюся к нам. Возникло секундное ощущение дежа-вю, и я инстинктивно закричал водителю, чтобы он был осторожен. Не знаю, была ли это ошибка, и что могло бы последовать в той ситуации, если бы я смолчал? Таксист же среагировал мгновенно и непредсказуемо: он резко крутанул руль влево, подрезал ехавшую там машину, явно испугался, крутанул руль в обратную сторону, и нас закрутило...

Все происходившее я видел, как в замедленной съемке: летящие от нас в рассыпную автомобили, белую «Хонду», водитель которой на огромной скорости еще пытается лавировать в тормозящем потоке. Как ошалелый перескакивает он в крайний левый ряд, но не справляется с управлением и его «Хонда» натурально взлетает с покатога борта разделительной полосы и летит на середину МКАД... Грохот, скрежет, визг тормозов, звон разбивающегося стекла и... тишина.

Когда я немного пришел в себя, с трудом разжав вцепившиеся в сидение пальцы, и огляделся вокруг, я понял, что

нам чудовищно повезло! Движение было парализовано. В левом ряду три автомобиля, ставшие сиамскими близнецами, мигали аварийками. В средней полосе малышка «Деу» въехала в «Газель». А между ними впереди, метрах в десяти, лежала на крыше белая «Хонда». Водители выскакивали из своих автомобилей, звонили по мобильным, скорее всего вызывая помощь. От обилия побитых и искореженных машин становилось дурно, но мне было страшно еще и по другой причине. Я отчетливо вспомнил картину, привидевшуюся мне той ночью, когда я возвращался домой после дня рождения Катёны. Всё случилось именно так, как было в моем видении. Боже, может, я схожу с ума? А, может, я стал ясновидящим? Бред.

А самым удивительным было то, что наша машина совершенно не пострадала, и когда мой болтливый водитель пришел в себя от шока из него вновь полились мутные словесные потоки. Мне было дурно, мозг разрывало, я уже не мог слушать таксиста, и воспользовавшись общей суматохой и неразберихой, просто покинул место происшествия. Пусть сам выкручивается, в конце концов, я всего лишь пассажир, которого он чуть было не угробил. Медленно, через замершие автомобильные ряды я пробрался на обочину, остановил медленно крадущуюся маршрутку и доехал до нужного мне съезда с МКАД.

В клинику я, естественно, опаздывал, и когда понял, что не успеваю к назначенному времени, решил позвонить Та-

тьяне и предупредить её. Но нет, это было бы слишком просто, а все что просто с недавних пор стало не для меня. Я обнаружил пропажу своего мобильного. Должно быть, обронил его в такси или когда выбирался из него. Боже, неужели это никогда не закончится?! Ну чем я так прогневал Всевышнего, если на мою голову сыплются одни неприятности!

Я прибыл на место уже ближе к четырем и, к счастью, Татьяна ждала меня. Она сидела в своем кабинете в компании с Жаном Гебауэром, и они пили кофе. Увидев меня, моя бывшая жена уже открыла рот для упреков, но, видимо, мой взъерошенный вид говорил сам за себя. Она лишь спросила: – Что на этот раз?

И я рассказал о случившемся по дороге к ней, умолчав, однако, о том, что авария на МКАДе уже однажды привиделась мне во всех ее подробностях. Пока я рассказывал, Гебауэр не проявлял особой заинтересованности, он рассеянно потягивал свой кофе и я понял, что он выжидает положенное по этикету время, чтобы откланяться.

– Тань, я не понимаю, что происходит, но что-то явно идет не так. За последние две недели не было дня, чтобы со мной не случилось какой-нибудь гадости. Пусть даже самой незначительной, из разряда битой чашки, но это происходит. Я ничего, ничего не понимаю. Я даже начинаю верить в такие глупости, как сглаз. Ты веришь в то, что меня мог кто-нибудь сглазить?

От такого вопроса Татьяна несколько растерялась, оно и

понятно, услышать подобные речи от одного из самых самонадеянных в мире скептиков!

– Стас, понятия не имею. Могу только подозревать, что нечто подобное случается. Иногда. Но теперь меня пугает совсем другое обстоятельство. Катерина постоянно твердит, что во всем виновата она и, якобы, её кукла. Честно говоря, когда она опять сегодня утром завела эту шарманку, я начала опасаться за её рассудок.

И тут в разговор неожиданно вмешался Жан:

– Что, все так серьезно? А скажи мне, Стас, в какой момент, по твоему мнению, начались все твои неприятности?

Я, нисколько не задумываясь, ответил: – Точно могу сказать, что с того самого дня рождения Кати. А что?

Гебауэр погрузился в задумчивое молчание, и только рука его машинально тянулась к пачке сигарет, лежавшей на столе.

– Жан, ты в кабинете врача, – ледяным тоном напомнила ему Татьяна.

– Оу, Таня, прости великодушно, забылся, – Жан встрепенулся и сунул пачку в карман. – Скажи, Стас, почему это Катя винит куклу?

– Господи, Жан, и ты туда же?! – Татьяна всплеснула руками. – О чем ты говоришь?

– Таня, магия Вуду серьезная вещь, в умелых руках она становится вещью страшной, но в неумелых может быть неуправляемой.

– Жан, ты случаем не спятил? – подал свой голос и я. – Не ты ли подарил моей дочери эту паскудную чертовщину, способную творить зло?

– Успокойся, Стас. Я просто подарил ей куклу, сувенир. Я никак не предполагал... А может, это всего лишь совпадения? Невероятные стечения обстоятельств?

– Ну, да, конечно! Тебе ведь подарил её какой-то зачуханный шаман?

Жан секунду колебался: – Да, нет, не совсем...

– То есть?

– Ну, про шамана я сказал просто так, что называется, напустил таинственности.

– Не понял, объясни! – я начинал заводиться не на шутку.

– Я купил её у одного уличного торговца в Киншасе. Просто расхожий сувенир.

– А зачем тогда ты заговорил про страшную магию Вуду?

– Стас, Конго своеобразная страна. Ты покупаешь простую игрушку, но она может оказать совсем не простой. Я не думал об этом, но после твоего рассказа...

– Ребята, – в разговор вмешалась Татьяна, – Опомнитесь! Вы же взрослые люди! Ну, какая магия? Ну, кукла, ну купил у мелкого торговца, ну что из этого? Стас, Жан прав, это всего лишь стечения обстоятельств. Вот увидишь, завтра все наладится, и мы еще посмеемся над этим!

Мне стало стыдно. До чего же я дошел, если уже поменялся ролями со своей бывшей женой, и теперь не я успока-

иваю ее, а она меня! И то верно! Мы же в двадцать первом веке, веке технического прорыва, покорения космоса и прочей белиберды! А меня понесло в какие-то колдовские бредни. Должно быть, усталость и стресс своеобразным образом сказались на состоянии мозговых структур.

– Тань, ты права от и до, – я заставил себя улыбнуться. – Все это чушь.

– Просто не притягивай к себе негатив, вот и все. – Татьяна облегченно вздохнула. – И с Катькой поговори, она меня больше волнует.

– Обязательно. Жан, извини, что наехал на тебя.

– Пустяки, – ответил Гебауэр, но я точно видел, что он где-то не с нами, а о чем-то думает. Думает...

Лечение обернулось настоящим кошмаром.

Вообще-то меня никогда особенно не беспокоили зубы, ну, бывало, ставили пломбы, как и многим другим, ну удаляли нервы при этом, но не более того. В том романтическом прошлом, когда я еще был женат на Татьяне, она, время от времени, проводила мне стоматологические осмотры с профилактической целью, но серьезных проблем у меня не было никогда. Но, должен сказать, это все было ДО... Сегодня, же проблемы вырастали на ровном месте и буквально из ничего. Татьяна отправила меня сделать рентген сломанного зуба, и когда я принес ей результат, то уже по выражению ее лица понял, что дело плохо.

– Стас, – изучив рентгеновский снимок, сказала Татьяна, – а скажи, этот зуб у тебя болел?

– Вроде бы и нет, а что?

– У тебя над ним радикулярная киста размером с приличную горошину, и ее надо удалять, да и зуб тоже, смысла оставлять его нет.

– Все так серьезно?

– Серьезно будет, если не удалим, пошли, я провожу тебя к хирургу. – И моя бывшая супруга решительно направилась к двери.

Мне не оставалось ничего другого, как только последовать за ней. Хирург оказался плотным лысоватым мужчиной лет пятидесяти, и мне показалось, что если на него надеть оранжевый клеенчатый фартук, он вполне мог бы сойти за мясника столичного рынка. Коим, по большому счету, он и оказался. Последующие полчаса мне не то, что пересказывать, но и вспоминать-то не хочется. Он обколол мою десну обезболивающим средством, но только Господу богу известно, почему оно не подействовало. Хирург уверял, что это потому, что зуб до этого сильно болел, но я-то знаю, что это не так! Ну, не болел он у меня и все тут! До вмешательства этого садиста! Я вообще-то человек терпеливый, я терпел, когда мне составляли кости на ноге, а уж могу признаться, это было что-то! Но то, что проделывал со мной в этом кресле этот супостат, этот кат в фартуке, не поддается никаким сравнениям. Он тащил, – зуб не поддавался! Он расшатывал, – все впустую!

Он пыхтел, кряхтел, потел и сопел, но чёртов зуб, или точнее, его осиротевшая половина, никак не хотела удаляться. В какой-то момент мне показалось, что он вот-вот упрется мне коленом в грудь, чтобы сподручнее было тащить. Я стоял, охал, ахал, пот с моего лица скатывался неиссякаемым ручьем, Татьяна только и успевала, что вытирать мне его да что-то успокаивающе бормотать, но, как оказалось, все это были только цветочки! После того, как обреченный зуб все-таки был удален, настала очередь кисты. Хирург вооружился каким-то инструментом и начал выскабливать лунку зуба, а мне казалось, что он, как древний египетский жрец, только и выбирает время, чтобы выскоблить мне весь съездившийся от ужаса мозг. Я слышал некий неистовый скрежет, легко сравнимый с хрустом моей подломившейся ноги. Я почти терял сознание. Мне и до сих пор жаль, что этого так не произошло.

Когда, наконец, экзекуция была закончена, Татьяна провела меня в свой кабинет, и несколько минут я отлеживался там на кушетке. Мало-помалу в голове начало что-то проясняться. Мне становилось воистину страшно, когда я начинал представлять, что еще может поджидать меня впереди. Пожалуй, нужно поскорее добраться до дома, но тут я вспомнил, что у меня пропал телефон, а без него я как без рук. Нет, первым делом нужно доехать до ближайшего офиса мобильной связи, восстановить утраченную сим-карту и купить новый аппарат.

Таня хотела вызвать мне такси, видимо, мой вид не внушал ей доверия, но я сказал, что мне лучше побыть на свежем воздухе и я немного пройдуся. Она покачала головой, но спорить не стала.

– Обязательно позвони мне, как только доберешься до дома, – сказала она на прощанье.

– Обязательно, – заверил её я.

Легче на улице мне, конечно, не стало, более того, давала о себе знать больная нога. Какой же я болван, нужно было позволить Татьяне вызвать такси и тем самым хоть немного обо мне позаботиться. Но что теперь сетовать попусту!

Через минут сорок я входил в здание офиса-продаж мобильной связи и уже менее чем через полчаса смог, наконец-то, проверить список всех поступивших за последние часы звонков. Дважды звонил Сергей. Какая же я все-таки скотина! За все это время даже не съездил к Дине, а сейчас уже семь часов и меня, естественно, никуда не пустят. Мне стало ужасно стыдно, а еще клялся ей в вечной любви! Я немедленно набрал номер Сергея.

– Сергей, привет, это Стас. Ты меня извини, я тут погряз во всякой ерунде, потерял телефон, попал а аварию, сломал зуб, но это все чепуха, как там Дина?

– Привет! Дина без изменений, ни улучшений, ни ухудшений. Ждем.

– Господи, сколько же можно ждать еще? Что врачи говорят?

– Стас, давай, без истерики! Врачи ничего больше не говорят. Всё что могли, они уже и сказали и сделали. Теперь нужно набраться терпения и ждать. Как только будут новости, поверь мне, ты будешь первым, кому я позвоню.

– Да... ладно... ты прав, извини, – я был расстроен, но понимал, что Сергею тоже далеко до спокойствия, а вот же, еще и меня уговаривает.

– Стас, – мягко произнес он, – не переживай ты так. Главное, – верить! Все у нас будет хорошо. Давай, завтра созвонимся.

Он отключился, а я некоторое время еще продолжал стоять, крепко сжимая в руке телефонную трубку.

Возвращение домой желанного облегчения не сулило. Я поймал попутку, всю дорогу меня одолевали самые пасмурные мысли, и когда водитель остановился у подъезда, вспомнилось вдруг, что дома нет никакой еды, но сил тащиться в магазин уже не было. Да и если честно, есть совсем не хотелось, наркоз начинал отходить, меня мучило. Квартира была как нежилая, тихо в ней было и пусто. Как и обещал, я первым делом позвонил Татьяне, сказал, что благополучно добрался до дома и ложусь спать. Она еще дала мне несколько практических рекомендаций, но я так жутко устал, что ничего не запомнил. Не хотелось ровным счетом ничего, ни есть, ни пить, только упасть на кровать и забыться спасительным сном. И, как ни странно, сон сковал меня мгновенно.

Мне снилось, как я еду по ночной Москве. Движение до-

вольно плотное, похоже, впереди пробка, вдаль видны про- блесковые огни каких-то машин, может ГИБДД, может скоро- рых, я все ближе к месту аварии, вот уже вижу первый ав- томобиль, четверку. Водитель уткнулся лицом в руль, во- круг валяются куски и обломки чего-то, битое стекло. Ря- дом снуют сотрудники автоинспекции, на эвакуатор грузят еще какую-то машину, вроде девятку, Она уже без водителя, вся разбита. Мне странно, почему никто не обращает вни- мания на водителя четверки, ведь ему явно нужна помощь! Я опускаю стекло и кричу, чтобы все обратили внимание на несчастного, но никто меня не слышит. Мне страшно, жутко страшно, потому что я начинаю понимать, кто сидит за ру- лем этой четверки, и как только до меня это доходит, води- тель поднимает лицо от руля. Так и есть, это Дина, но вместо лица у нее сплошное кровавое месиво и я вижу, как сквозь кровь, ошметки кожи и оголившихся нервов она улыбается мне. Меня прошибает холодный пот, я отворачиваюсь и ви- жу, как ко мне направляется сотрудник ГИБДД. Ну, након- ец-то, – думаю я, – хоть кто-то меня услышал. Сотрудник уже совсем близко, его голова опущена, он смотрит в землю. Вот он уже подошел вплотную, резко поднял голову. Господи, это же голова Баки! Я кричу, кричу, кричу и... просыпа- юсь.

Часы показывали два ночи. По лицу струился пот, во рту пересохло. Я с трудом поднялся, проковылял в ванную, умылся, сделав несколько жадных глотков холодной воды

прямо из-под крана. Плевать, что эту воду пить нельзя, хуже уже не будет. Немного освежившись, я вернулся в спальню, скинул с кровати покрывало и лег. Челюсть ныла, место, где еще утром был целехонький зуб, болело невероятно. Кроме того, я почувствовал, как у меня ломит кости, а это был верный признак поднимающейся температуры. Сна не было. Вспоминались детали отвратительного видения и вместе с этими воспоминаниями пришли и другие. Это происшествие мы с Диной видели в реальности в ту ночь, когда возвращались со дня рождения моей дочери. Всплыла в сознании и та авария с белой «Хондой», что пригрезилась мне тогда же, и в точности повторилась вчера. Боже, что происходит? Что со мной? Может быть, я схожу с ума? Ну, ладно, сон, кошмар, привидеться может всякое, но вчерашнее происшествие на кольцевой? Его-то как объяснить? Или я так сильно визуализировал в тот раз свою фантазию, что всё случилось на самом деле? Говорят, такое бывает и даже весьма часто. Заныло в висках. Нужно постараться уснуть. Увы, этому случиться было не суждено. Десна болела, ныла нога, чудовищно разболелась голова. Я наглотался таблеток, но это не помогало. Мне было очень плохо.

Вот в такие моменты обычно люди и сожалеют о «бесцельно прожитых годах». Ну почему я в свои почти, что сорок лет так одинок? Почему некому меня пожалеть, посочувствовать, принести таблетки, подоткнуть одеяло? Может, я сам виноват, ведь было же у меня все: семья, жена, дочь.

Дочь, конечно же, осталась, а вот семьи нет. И некому обо мне позаботиться... Э, да что же это я, честное слово, так разнылся! Нет, нельзя распускаться подобным образом, не годится! Это все неприятности последних дней так повлияли на мою психику. Ничего, я мобилизуюсь, возьму себя в руки. Именно!

Я провалялся в постели до утра, но уснуть так и не смог. Похоже, бессонница становится моей верной спутницей. Несмотря на плохое самочувствие, очень захотелось есть, за последние дни я вообще толком ничего не ел. Однако в холодильнике было пусто, если не считать последнего куриного яйца. Ну и отлично, сделаю себе крошечную яичницу, сварю кофе, немного. Я достал сковороду, включил конфорку и разбил яйцо. Зловонная черная жижа шлепнулась на тефлоновое покрытие и зашкворчала. Ну, естественно! Яйцо просто обязано было оказаться тухлым. Снова накатила волна отчаяния, но я взял себя в руки, вылил тухлятину в унитаз и просто сварил кофе.

Не могу сказать, что оно взбодрило меня. Я чувствовал себя полной развалиной, но мне нужно было ехать в офис. Из-за всех неприятностей со здоровьем я практически забросил работу, а ведь подписание контракта всей моей жизни уже не за горами. Расслабляться недопустимо. Я набрал номер офиса, чтобы предупредить ребят, что задерживаюсь.

– Господи, Стас, что у тебя с голосом? – удивленно спросил Влад, наш юрист, первым схвативший трубку.

– Влад, привет. Ничего особенного, просто не могу сильно открывать рот. – Я в двух словах поведал ему о своих неприятностях.

– Что же это такое, старина! – Влад был явно под впечатлением от моего рассказа. – Вот уж вправду не везет – так не везет. – Кстати, а нога-то как?

– Немного побаливает. – Вчерашнее длительное время, проведенное на своих «троих», не могло не сказаться. Я уже с утра сильно хромал, передвигаясь по квартире. – Влад, спасибо за заботу, конечно, но меня завтра еще не будет полдня, мне нужно попасть к двум врачам, продемонстрировать им ногу и челюсть. Так, что я сейчас

Влад не дал мне договорить:

– Старик, и думать не смей приезжать. Тебе нужно поставить себя на ноги. Ничего горящего в офисе нет, а будут вопросы – есть телефон. Поправляйся.

Одним словом, мой верный сотрудник и служитель Фемиды Влад решительно взял бразды правления в свои руки, и заверил меня, что со всем справится один, а мне нужно отлежаться и привести себя в порядок.

Признаться, я был этому несказанно рад, ибо чувствовал себя очень плохо. Снова подскочила температура, ломило кости, болела, казалось, каждая клеточка моего тела. Я принял таблетки, завернулся в плед и провалился не то в глубокий сон, не то в болезненное забытие. Из этого транса меня вывел звонок Татьяны.

– Как ты? – в ее голосе слышалась неподдельная тревога.

Все-таки хорошая она. И чего я, дурак такой, не смог её полюбить. Был бы сейчас в шоколаде.

– Спасибо, Танюш. Вот, немного поспал, вроде стало лучше.

– Лекарства пить не забываешь?

– Ну, конечно, нет.

– И молодец. Завтра обязательно приди показаться. Часикам к двум, сможешь?

– Постараюсь. Как там Катюха?

– Нормально. Беспокоится за тебя, рвется ухаживать.

Я улыбнулся, представив себе серьезную рожицу дочери, несущую мне на подносе еду.

– Передавай ей привет. Скажи, что скоро приеду.

– Обязательно. Ладно, пока, до завтра.

Я положил трубку и медленно встал с дивана. Температуры, кажется, не было, нужно было поскорее воспользоваться этим обстоятельством, и сходить в магазин за пропитанием. Похоже, я возвращался к жизни и желудок скулил от голода.

Продуктовый находился в соседнем доме, но и такое незначительное расстояние я преодолел с трудом. В магазине брал только самое необходимое, чтобы не так тяжело было нести, но все равно набралось изрядно. Молоденькая, размазанная кассирша, не глядя на меня, пробивала товар, отработанными движениями забирала предметы с движущейся ленты, и меланхолично перекладывала их в металли-

ческий лоток. Когда все покупки были отсканированы, она подняла на меня отсутствующий взгляд и четко проартикулировала:

– Одна тысяча сто пятьдесят три рубля двадцать копеек.

Я полез в задний карман брюк, куда выходя из дома, положил две бумажки по тысячи рублей, но к своему удивлению ничего не обнаружил. Я порылся в другом кармане, но с тем же результатом. Тогда я стал нервно шарить по карманам куртки, но чертовых денег не было нигде. Лицо кассирши оставалось бесстрастным, но где-то в уголках глаз просыпалось легкое презрение. Когда все карманы были осмотрены по нескольку раз, мне, наконец, пришлось признать, что денег при мне нет.

– Деньги куда-то подевались, – смущенно сказал я, не зная, что делать.

– Прекрасно, – выдавила из себя девица за кассой. – И что мне с этим прикажете делать? – она указала на гору пробитых продуктов.

– Не знаю... – я и правда не знал, что теперь делать. Мне было стыдно, неловко, я плохо себя чувствовал. Народ в очереди начинал терять терпение, но вдруг за моей спиной раздался знакомый голос:

– Стасик, что-то случилось?

Я обернулся и увидел свою соседку.

– Софья Андреевна! – я воскликнул так громко, и так много чувств было в моем возгласе, что, кажется, все при-

сутствующие в магазине обернулись в мою сторону. – У вас случайно не найдется тысячи двухсот рублей? Я, кажется, деньги потерял.

– Что ты, голубчик, такая сумма! – соседка начала рыться в своей безразмерно огромной сумке. – Вот только триста рублей. А как же это ты мог потерять-то? Может, украли? Наверняка украли! В этом магазине всегда крадут!

Она с вызовом уставилась на размалеванную кассиршу, но та уже тоже начинала психовать.

– Мужчина, вы платить будете? – визгливым голосом вопросила она.

– Извините, мне неловко, но придется взять только самое необходимое, на триста рублей.

Кассирша обреченно вздохнула, раздраженно нажала кнопку вызова контролера и, когда тот подошел, начали сообщать что-то химичить с кассой. Я же тем временем отобрал те из продуктов, которые счел самыми нужными, при этом постоянно подсчитывая их стоимость, сбиваясь и начиная сначала. Народ негодовал, громко возмущался, называл меня растяпой, и это было лишь самое мягкое выражение в мой адрес.

Наконец, я расплатился, побыстрее запихнул в пакет свои покупки, и поспешил покинуть магазин. Пока мы с соседкой шли домой, она всю дорогу рассуждала о росте преступности, о том, сколько развелось всяких карманников и мошенников, которых никто не ловит, что в милицию понабрали

одних проходимцев, которые безбедно существуют на деньги налогоплательщиков, и так далее и тому подобное. Так она могла рассуждать часами и, что было особенно хорошо, она не требовала, чтобы ей отвечали. Достаточно было того, что я слушал, ну, или делал вид. А мне было не того. Я думал о том, что мне опять не повезло, кто-то свистнул у меня из кармана деньги, да так виртуозно, что я даже не заметил. Мысль о том, что я мог оставить деньги дома даже не возникла, поскольку я прекрасно помнил, как клал их в карман. Значит, украли. Да чем же я мог так прогневать Бога? Почему на мою голову валится столько неприятностей? Чем я провинился? Я терзал себя подобными вопросами до самой квартиры, на пороге которой сказал:

– Софья Андреевна, зайдите на секунду, я верну вам деньги.

– Зайду, голубчик, зайду. Хотя мне, конечно, не к спеху, мог бы и потом отдать.

– Нет, нет, лучше сейчас. Не люблю быть должным.

Я прошел в спальню, достал из тумбочки, где всегда хранил деньги, нужную сумму и вручил их соседке.

– Спасибо вам огромное! Не знаю, что бы я делал, если бы не встретил вас. Вы меня очень выручили.

– Пустяки, голубчик, пустяки! Люди должны помогать друг другу, а как же иначе!

Она еще некоторое время рассуждала о человеческом взаимопонимании, я вежливо слушал, качал головой и ждал, ко-

гда же она уйдет. После того, как это, наконец-то, свершилось, я разобрал покупки и решил, что немного перекушу и постараюсь уснуть. В детстве, когда я болел, мама всегда повторяла мне, что люди выздоравливают во сне, и ее слова запомнились на всю жизнь. Однако быстро уснуть не удалось, сон скосил меня лишь глубокой ночью и был опять каким-то тревожным, тяжелым и давящим.

Обострение ситуации

Если бы я мог предположить, что меня ждет, я скорее всего согласился бы полететь в космос, нежели пережить этот новый день.

У меня было запланировано очередное посещение врача, я уже почти полноценно пользовался двумя ногами, костыли были давно позабыты, палка была лишь вспомогательным инструментом, и я даже пару раз садился за руль. В силу предстоящей процедуры в рентгеновском кабинете, а также последующей беседы с врачом, причем, как показало время, не особо приятной, первая половина дня была отведена мной на медосмотр, о чем еще вчера я предупредил Влада. Все это время я только и делал, что в лечебных целях, как мог, кроил время, переносил назначенные встречи и старался не планировать новые. Все же травмы сильно выбили меня из рабочей колеи, и это нервировало.

Итак, с утра я поехал в больницу, и только закончил процедуру «фотографирования» ноги, как раздался звонок мобильного телефона...

Звонила Лариса, мой бухгалтер, голос ее был сбивчив, она явно нервничала.

– Стас, у нас здесь полный бардак. Тридцать минут назад в офис влетел спецназ в масках, и заявил, что у нас сейчас будет обыск. Грубят. Из офиса никого не выпускают, телефо-

ном пользоваться запрещено. Я разговариваю из-под стола по мобильному. Боюсь последствий. С ними общается наш юрист Влад. Выясняет, что, как и почему.

Связь прервалась. Я был в полном недоумении по поводу происходящего. Что за ерунда, какой спецназ? Я набрал телефон Влада, ответа не последовало. Пока я судорожно соображал, в чем может быть дело, и ковылял до машины, Влад позвонил сам.

– Стас, в офисе спецназ, нам предъявили постановление о производстве обыска и поручение о производстве следственных действий. Все производственные документы оформлены на здание, на адрес. Будут шерстить все конторы. Предписание выписано на основании возбуждения уголовного дела, причем дело заведено и находится в производстве в Тульской области. Оно возбуждено по факту хищения денежных средств в особо крупном размере. В этих документах фигурирует твоя фамилия, хотя нет никакого упоминания о нашей фирме. Больше разговаривать не могу, не суйся сюда лучше, по возможности буду тебе звонить, здесь все довольно строго.

Влад отключился, а я остался в полной прострации, сжимая ключ зажигания в правой руке. Что за ересь, как это не суйся, а что делать?

Что за уголовное дело и при чем здесь моя фамилия? Абсурд!

Сидя в машине и судорожно соображая, что мне следует

предпринять, и провел таким образом около часа. Снова позвонила Лариса:

– Стас, у нас ведутся следственные действия, изымаются документы, счета и печати, Влад все контролирует.

– Что изымают и зачем? Влад сказал о каких-то уголовных делах, вы сами-то понимаете, что происходит?

– Если бы понимали, то не занимались бы простой констатацией фактов, а прямо рассказали, что к чему. Не знаю, ситуация неординарная, это явно не проверка налоговой, здесь что-то или кто-то посерьезнее. Ты, давай, не дергайся, у нас сложилось впечатление, что они очень ждут тебя, а ты ситуацию сейчас не изменишь, все законно, лучше думай, откуда ветер дует. До связи, – прошептала Лариса и отключила телефон.

Я завел машину и медленно поехал, размышляя, что же в этой ситуации следовало бы предпринять. Я решил обдумать все происходящее, сидя в первом же подвернувшемся кафе. Недалеко, около заправки, было такое приличное заведение, кафе «Остров», там я и решил приземлиться, чтобы привести в порядок свои мысли. Я заказал зеленый чай и погрузился в размышления.

Жизнь становится час от часу не легче, думал я. Хотя после уже более осмысленной речи бухгалтера, в моей голове потихоньку начала складываться вся происходящая головоломка. Ордер был выписан на здание, я был арендатором. Помимо меня, офисы в здании снимали еще три фирмы:

туристическое агентство, представительство торговой компании «Белый Страус», агентство недвижимости, ну, и мы, скромная контора занимающаяся ip-технологиями, правда, с хорошими перспективами на ближайшее время. В голове сразу всплыло скорое подписание контракта с Кубой о поставке нашего продукта. Но при чем здесь наше будущее, когда уголовное дело это уже факт существующий?

Почему, однако, моя фамилия фигурирует в деле? Я абсолютно точно знаю, что ни в каких финансовых аферах не участвовал, законы мы соблюдали строго, вот только за последний месяц на меня, помимо сломанной ноги, свалилась еще гора неприятностей: у Катюхи нервные срывы, Дина в больнице, дурные происшествия случаются на каждом шагу. И так голова идет кругом, а тут кто-то решил меня добить еще и в бизнесе.

Мне очень нужно увидеть эти постановления и, как там Влад сказал, поручения, чтобы восстановить хотя бы временные параметры. Ничего, кроме составленных мною и проверенных Владом документов и бухгалтерских бумаг за Ларисиной визой, я не подписывал, да и не было у нас ничего на «особо крупные размеры». Может быть, мы кому-то перешли дорогу? Но кому? Клеточки известного кубика стали складываться и рассыпаться с такой скоростью, что закружилась голова и к горлу то и дело подкатывала тошнота.

Неужели подоплекой сего действия является заключаемый мною контракт? Бред! Не думаю, что кому-то я мог быть

интересен, в моих делах все легально. Так почему же в этом уголовном деле фигурирует моя фамилия? Ордер на здание, не на мою фирму, а на целый офисный комплекс. Какая же тут может быть взаимосвязь?

– Думай, Стас, думай! – накручивал я сам себя.

А тем временем прошло уже три часа, за время которых я успел выпить три чашки чая и даже съесть легкий салат, не столько от голода, сколько для того, чтобы не раздражать официантов своим длительным пребыванием в заведении.

Итак, еще раз. В ходе длительных умозаключений, реально оценивая уровень и смысл работы соседей по арендованной площади, можно придти к пониманию того, что под прицелом обыска находится именно моя фирма. Снова раздался телефонный звонок, на сей раз звонил Влад, похоже было, что они чередовались с Лорой в звонках, стараясь держать меня в курсе событий, предоставляя для того, как можно более полную информацию.

– Стас, дело, по всей видимости, близится к завершению. Тебе, наверное, стоит сейчас приехать в офис и посмотреть, что от него осталось, но ты не переживай, люди явно знали, что им нужно, поэтому хаоса нет, вещи на местах, изъяли лишь некоторые документы, пару компьютеров, но общий вид помещения все-таки сохранили в порядке. Ты собирайся, тебе еще добраться надо, но будем пребывать на связи, чтобы ты случайно не появился к их кульминационному отъезду.

Я согласился с его логическим заключением, вышел из кафе и, не торопясь, двинулся в сторону офиса, особо спешить все равно было уже некуда. На половине дороги к офису я набрал телефон Влада: – Ну, что, могу я сейчас появиться и, наконец-то понять, что там у нас произошло?

– Да, приезжай, они загружают последние коробки. У меня здесь сформировались кое-какие мысли по поводу этой ситуации, тебе надо обязательно просмотреть документы и мы обсудим то, что произошло. Не буду вдаваться в подробности по телефону, ждем.

В офисе я был через сорок минут, к этому времени непрошенные гости уже очистили нашу территорию. Я зашел в здание, люди, попадающиеся мне на пути, пребывали в явной растерянности. Влад встретил меня с документами, и мы прошли в кабинет. Я начал читать бумаги и чем дальше в них углублялся, тем более поражался смыслом вырисовывающейся ситуации. В Тульской губернии было возбуждено уголовное дело по факту хищения денежных средств в особо крупных размерах. Следствием было установлено, что осенью прошлого года некто Андрианенко, имея умысел на хищение денежных средств и используя реквизиты некоей фирмы «Зира», путем определенных финансовых махинаций умыкнул из некоей фирмы «Калигула», расположенной как раз в Тульской области, одиннадцать миллионов рублей. Этот гражданин перечислял похищенные деньги на счета некоторых фирм однодневок, таких как «Зира». По полу-

ченной следственными органами информации, к разработке схемы хищения денежных средств и дальнейшей их легализации были причастны: господин Филактионов Е.С., еще один персонаж и я. Евгений Филактионов был известен мне как владелец офисного здания, где я арендую помещение, второй участник был абсолютно неизвестным мне человеком. Так вот, оказывается, мы создавали фирмы однодневки и на их счета перечисляли финансовые средства пострадавших. Интересно! Филактионов является владельцем офисного здания, я являюсь арендатором помещения, находящегося в его здании, и, кроме заключенного между нами договора аренды, связи не имеется никакой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.